

ПО ТУ СТОРОНУ

Юрий Глухов

ВЫСТРЕЛЫ НА ПАРАДЕ

ПО ТУ СТОРОНУ

Юрий Глухов

ВЫСТРЕЛЫ НА ПАРАДЕ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983

Художник А. С. Житомирский

Очерки Юрия Глухова разоблачают интриги США и Израиля на Ближнем Востоке, их тайный сговор с бывшим президентом Египта Садатом, ставшим жертвой собственного предательства общеарабских интересов.

В книге представлены факты о современном Израиле — его уродливой милитаризованной экономике, шовинистическом психозе, терроре против арабов, о секретной разработке атомного оружия и расчетах Израиля на ядерную монополию на Ближнем Востоке,

Г 0804000000-104 16-83
М-105(03)83

По наклонной плоскости

Выстрелы на параде

С утра ничто не предвещало грозы. Каир принарядился, готовясь к параду. Он проводился ежегодно 6 октября. В этот день в 1973 году египетские войска успешно форсировали Суэцкий канал. Портреты «героя обура» (форсирования), как стали официально именовать египетского президента Садата, были развешены по всему городу. И через всю столицу от президентского дворца в Гизе к плацу для парадов в Наср-сити протянулись шпалеры полицейских и солдат. Они стояли затылок к затылку через каждые три метра.

Садат ехал в открытом черном «кадиллаке», защищенный живой стеной телохранителей. Плотные тренированные крепыши словно впаялись в зеркальную гладь машины: по трое с боков и два — сзади. Президент был в новом голубом с золотом мундире, с орденом «Звезда Синая» на груди и широкой зеленой шелковой лентой через плечо, в коричневых сапогах до колен. Точно в 11 часов Садат занял свое место под белым балдахинном на трибуне. Справа от него сел вице-президент Хосни Мубарак, слева — генерал Абу Газзая, министр обороны.

Мулла прочел суры из корана. Генерал Газзая произнес короткую речь. Затем состоялось возложение венка на могилу Неизвестного солдата. И вот под звуки музыки и грохот барабанов двинулись участники военного парада. Прошли десантные части, колонны курсантов военных училищ. В полдень небо расцвело разноцветными куполами раскрывающихся парашютов. В 12.20 зрителей побаловали местной экзотикой: проследовали верблюды египетских сил безопасности.

За несколько минут до часу дня с пронзительным скрежещущим звуком пролетели быстрые «фантомы», и учебные реактивные «миражи» прота-

щили за собой шлейфы красного, голубого и зеленого дыма. А в это время по плацу двигались по четыре в ряд песчано-зеленые тягачи со 120-миллиметровыми орудиями на прицепе. Еще пять «миражей» промчались на высоте 60 метров, оглушив всех ревом своих турбин. В течение нескольких секунд никто и не замечал, как, задержавшись, остановился тягач, проходивший рядом с трибуной. Из него выскочили офицер и три солдата, бросая гранаты и стреляя на ходу. Одна из гранат упала у ног Абу Газали, но не взорвалась. Другая попала в начальника генерального штаба Абдель Раби эль-Наби, но взрыва также не последовало. Наконец, третья, ударившись в трибуну, разлетелась осколками. Почти в упор нападавшие стреляли в египетского президента. Пытаясь спасти его, телохранитель поднял обтянутое кожей и сверкающее хромированными частями кресло и обрушил на Садата, сбив его на пол. Но было уже поздно. 28 пуль и осколков сидели в теле президента. Вскоре врачи обнаружат их в левой стороне груди, над правой ключицей, выше левого колена, на правой руке ниже локтя. Отброшенные в сторону телохранителями два ближайших соседа Садата Мубарак и Газали отделались легкими ранениями.

Паника охватила трибуны. Люди бежали враспынную, опрокидывая стулья, давя друг друга. Только тогда, оправившись от неожиданности, силы безопасности начали охоту на нападавших. Трое из них были ранены в ходе завязавшейся перестрелки и схвачены. Один успел скрыться и был арестован позднее.

А тем временем Садата в спешном порядке погрузили на армейский вертолет, стоявший за трибуной. В 13.20 он был доставлен в военный госпиталь, расположенный в каирском пригороде Маади. В момент поступления у Садата уже не прослушивался пульс, не реагировали на свет зрачки. Он находился в бессознательном состоянии.

Усилия врачей-реаниматоров были тщетны. Переливание крови, инъекции в сердечную мышцу, открытый массаж сердца, вентиляция легких — все

эти меры не дали результата. В 14.45 электрокардиограмма перестала фиксировать какую-либо деятельность сердца. Причина смерти,— констатировалось в официальном бюллетене,— внутреннее кровоизлияние, ранение левого легкого и разрыв артерии.

Садат уже умер, а весть о его кончине еще некоторое время держалась в тайне. Слишком горькой была эта пилюля для политиков в Вашингтоне и Тель-Авиве, чтобы проглотить ее сразу. Первая шифровка от американского посла в Египте Атертона была обнадеживающей. «Раны Садата несерьезны»,— сообщал он. Рейган успел даже написать личное письмо Садату, «молясь о его здоровье» и предлагая медицинскую помощь пострадавшим.

В Вашингтоне не хотели допустить и мысли о том, что система охраны египетского президента, столь тщательно разработанная самими американцами, подвела. США потратили на это почти 25 миллионов долларов. Начиная с 1974 года, американские секретные службы натаскивали египетские органы безопасности. Охранников обучали реагировать на малейшие, едва уловимые движения, умению контролировать толпу. В 1974 году Никсон подарил Садату бронированный вертолет стоимостью в 2 миллиона долларов. В 1980 году Картер направил ему самолет, снабженный системой АВАКС — «электронными глазами и ушами». Он сопровождал авиалайнер египетского президента во время зарубежных поездок. ЦРУ оснастило садатовских телохранителей технически совершенной системой связи. Она была защищена от возможного перехвата любыми другими службами.

...Находились в неведении и египтяне. Каирское телевидение, проводившее прямую трансляцию парада, на 25 минут прекратило свои передачи, а затем возобновило их с чтения корана. Запутавшись в противоречивых сообщениях, египетское посольство в Вашингтоне вначале приспустило флаг наполовину, потом подняло его снова. Только спустя семь часов после покушения вице-президент Египта Мубарак появился на экране телевизоров и сообщил о смерти Садата.

Первая реакция Вашингтона была в духе ковбойских традиций: там сразу же схватились за оружие. Собравшись в ситуационной комнате со всеми подчиненными, президент США провел анализ сложившегося положения. Результатом этих «посиделок» было объявление о приведении в состояние боевой готовности американских вооруженных сил на Ближнем Востоке. Вашингтонские стратеги повели себя так, как будто Садат был одним из наместников в одном из владений американской империи. Тут же на заседании было принято решение направить на его похороны трех бывших американских президентов — Ричарда Никсона, Джеральда Форда и Джимми Картера. Главой делегации был назначен тогдашний государственный секретарь США Александр Хейг. По соображениям безопасности Рональд Рейган предпочел остаться дома.

Похороны Садата состоялись 10 октября 1981 года. Это была тихая церемония на том же самом плацу, в том же Наср-сити. Сначала машина «скорой помощи» в плотном окружении «джипов» с президентской гвардией доставила гроб с телом Садата из госпиталя в Маади в расположенную неподалеку мечеть. Там собрались лишь родственники-мужчины. После недолгой молитвы гроб поместили в вертолет, не рискуя везти его через город на машине, и переправили в Наср-сити.

По всему Каиру были расставлены грузовики с расчехленными пулеметами. Солдаты с прижатыми штыками патрулировали улицы, а над городом, как стрекозы, повисли вертолеты. Цепочки полицейских, сцепившись руками, выстроились, чтобы сдерживать толпу. Но толпы не было. Каир безмолвствовал. Как заметил американский журнал «Ньюсуик», каирцы, скорее, были недовольны закрытием на неделю кинотеатров, отменой футбольных матчей и телевизионных программ, чем скорбели о случившемся. Лишь несколько сотен человек прошли по Наср-сити, время от времени выкрикивая: «Садат, тебя ждет рай!» Демонстрация была организована властями для прибывших на похороны иностранных гостей, среди которых

дружно отсутствовали представители почти всех арабских государств. Картер, Форд, Никсон и Бегин стали разъезжаться, не дожидаясь окончания церемонии погребения. Садат уже был фигурой прошлого, а Вашингтон и Тель-Авив интересовало будущее. Там задавались вопросом: удастся ли найти замену их прежней креатуре, и не находили ответа. Слишком одиозной была личность Садата. Пожалуй, именно он, как никто другой, подходил американским и израильским политикам для заключения сомнительных сделок, навязанных Египту. Достаточно проследить биографию египетского президента, чтобы убедиться в этом.

Анвар Садат родился в 1918 году в Нижнем Египте, в провинции Минуфия. Он был одним из 13 детей в многочисленной семье. Его отец работал клерком в военном госпитале. Мать, суданка, не умела ни читать, ни писать.

В 1938 году Садату удалось поступить в египетскую военную академию, двери которой открылись для простых египтян. В академии он знакомится с Гамалем Абдель Насером и другими участниками движения «свободных офицеров».

Очень рано проявились такие черты Садата, как склонность к авантюризму, политическая беспринципность и тщеславие. Во время второй мировой войны двадцатидвухлетний Садат вступает в контакт с двумя шпионами нацистской Германии. Через них он пытается связаться с гитлеровским фельдмаршалом Роммелем, чья танковая армия двигалась из Ливии на Египет. «Мое восхищение германским милитаризмом,— позже откровенничал он в своих мемуарах,— не поддается описанию. А если бы я и попытался описать его, то я не нашел бы в арабском языке достаточно слов, чтобы выразить свое огромное восхищение и глубину своей любви. Гитлер поразил меня, а еще до него меня поразил немецкий военный дух. Когда Роммель начал наступление в Западной пустыне, очищая ее от англичан, он одновременно начал завоевывать и мое сердце. Он завладел моим сердцем, моими мечтами и окрылил меня...»

Рассказывая далее о том, как он способство-

вал попыткам армии Роммеля захватить Египет, Садат отмечал, что он и его единомышленники с воздуха сфотографировали аэродромы и склады оружия и боеприпасов, принадлежавших английской армии. Однако самолет, на котором должны были доставить в расположение «африканского корпуса» эти фотоснимки, карты, а также секретные шифры на случай, если бы Роммель захотел поддерживать связь, был сбит самими же немцами, и все документы сгорели вместе с ним.

«Самое же ценное, что сгорело вместе с самолетом,— сожалел Садат,— это составленный мною договор, который я предлагал подписать Роммелю. Для того, чтобы подтвердить наши добрые намерения...»

Англичане засекли немецких агентов, проводивших бурные вечера в каирском ночном клубе «Кит кэт». А те в свою очередь указали пальцем на своего египетского коллегу. По этому делу Садат попадает в тюрьму первый раз. Это случилось в 1942 году, а в 1944 году ему удается бежать.

В 1946 году он вторично оказывается за решеткой. На этот раз по обвинению в террористической деятельности. Он участвовал в покушении на министра финансов Египта Амина Османа. В 1947 году Садата освобождают из тюрьмы и увольняют из армии. В поисках заработка он меняет различные профессии. Работает носильщиком, шофером, торгует старыми шинами. В 1950 году Садату удается вновь вернуться на военную службу.

До июльской революции 1952 года он поддерживает тесные связи и с реакционной религиозной организацией «Братья-мусульмане».

После революции занимает различные посты. Одно время был председателем Народного собрания Египта, позднее — вице-президентом.

«Всю свою жизнь Садат играл с огнем», — заметил американский журнал «Ньюсуик».

Американцы внимательно и целенаправленно присматривались к личным качествам египетского президента. Избрав Садата в 1974 году «человеком года», журнал «Тайм» провел целое исследование его привычек и склонностей, распорядка ра-

бочего дня. Вот подмеченные журналом отдельные штрихи, дающие представление об этом человеке.

...Анвар Садат только что вышел из небольшого лифта во дворце на нижней нильской плотине, любимейшей из своих десяти резиденций, чтобы начать рабочий день. Было уже немногим более одиннадцати часов утра, густой запах одеколона исходил от его сияющего бронзового лица. На нем были застегивающиеся на «молнию» черные ботинки и отутюженный костюм, что придавало ему вид средиземноморского денди...

Обычно Садат спал допоздна. Он был не прочь вздремнуть и после обеда. На его столе стоял радиоприемник с часами. Он ложился спать и просыпался под звуки музыкальных программ каирского радио. На том же столе он держал заряженный пистолет.

...Садат был замкнутый человек. У него мало друзей. Его ближайший друг, богач, глава строительной фирмы Осман Ахмед Осман говорил, что иногда он бывал в обществе Садата, когда часа по два не произносилось ни единого слова. Садат заявлял с удовлетворением: «Никто не знает, что я думаю, даже моя семья». Он тщательно следил за своим здоровьем и был похож на ипохондрика, который часто жалуется на болезнь.

После завтрака Садат проводил деловые встречи в течение двух часов. Затем он отправлялся на ежедневную прогулку. В своих бело-голубых тапочках он ходил час по берегу Нила. После этого массажист, который являлся одним из его телохранителей, делал ему массаж.

Каждый вечер без усталости Садат смотрел два фильма, главным образом американские вестерны. Он смотрел их обычно один, в пижаме.

Он не любил читать доклады и предпочитал, чтобы ему делали сообщения устно. Большинство посланий от Джимми Картера, например, были прочитаны ему американским послом. Президент держал наиболее важные решения в секрете даже от своих министров.

Он любил помпу. После решения в 1975 году

открыть Суэцкий канал Садат оделся в белую адмиральскую форму и в течение четырех часов стоял на палубе эсминца. В молодости он хотел быть актером и короткий период выступал на каирской сцене. Увидев объявление в газете о работе в театре, он послал свою фотографию, сообщив, что играет и в трагедии, и в комедии, но предпочитает последнее. «Он — актер, — характеризовал его многолетний коллега. — Никто никогда не видел его настоящего лица».

Тщеславие, амбициозность, тяга к роскоши, склонность к театральности — все эти черты Сада-та проявились в проводимой им политике, были ловко использованы американской дипломатией. Но как случилось, что такая фигура оказалась ведущей на подмостках египетской политической сцены?

Я вспоминаю жаркий сентябрь 1970 года. Палестинцы называли его «черным сентябрем». В ту осень в Иордании вспыхнули кровопролитные столкновения между подразделениями иорданской армии и палестинскими отрядами. Чтобы погасить междоусобный конфликт, в Каире собралось совещание глав арабских государств. Не жалея сил, не прекращая работы даже ночью, Насер занимался поисками урегулирования. Обстановка на совещании была сложной. Дело доходило до прямых оскорблений и чуть ли не до стычек.

Чтобы разрядить эту грозную атмосферу, требовалось невероятное напряжение физических и духовных сил. Результат был достигнут. Совещание закончилось успешно. Но вечером 28 сентября Насера не стало. У него случился сердечный приступ на аэродроме, когда он провожал последнего отъезжающего участника каирской встречи.

Мне запомнился Каир тех дней. Людское море, затопившее улицы, море горя и скорби. Вся страна прощалась со своим лидером, с именем которого связано рождение и становление независимого Египта. Под его руководством в 1952 году была совершена июльская революция и свергнут король Фарук. При Насере египтяне добились вывода английских войск из своей страны и ликвидации

английских баз. В 1956 году был национализирован Суэцкий канал, отныне он стал полной собственностью египетского народа.

С именем Насера связаны и радикальные перемены внутри Египта. Мощный удар нанесла июльская революция по помещикам, крупной и средней буржуазии. Рухнула верхушка египетской социальной пирамиды. В ходе реформ было ограничено помещичье землевладение, национализированы банки, крупные и средние промышленные и торговые компании и предприятия, установлен государственный контроль над внешней торговлей. В руки государства перешли вся крупная оптовая торговля и универмаги. Государственный сектор занял командные высоты в экономике.

Одновременно трудящиеся Египта добились важных социальных завоеваний. Была установлена 42-часовая рабочая неделя. Было одобрено положение, в соответствии с которым во всех выборных органах не менее 50 процентов мест должно принадлежать рабочим и крестьянам.

В отместку империалистические силы в союзе с Израилем не раз обрушивали на Египет репрессии. Его пытались сломить во время тройственной англо-франко-израильской агрессии в 1956 году. Его хотели поставить на колени в ходе развязанной Тель-Авивом «шестидневной войны» 1967 года. Но это не удавалось. Происки империализма и сионизма неизменно встречали отпор.

И вот 30 сентября 1970 года миллионы египтян провожали в последний путь своего верного сына. Насеру было всего лишь 52 года. Никто не ожидал трагической развязки. Вопрос о его преемнике и не стоял.

Так, во многом по воле случая, президентом Египта стал вице-президент Анвар Садат.

Разматывая клубок событий

21 ноября 1981 года в Каире открылся судебный процесс над участниками покушения. И снова район Наср-сити, где проводил заседания военный

трибунал, был оцеплен нарядами полиции. Снова перекрыты все перекрестки. Снова в воздухе появились военные вертолеты. Журналистам, получившим специальные пропуска на процесс, только на пути от ворот до входа в зал заседаний пришлось преодолевать три полицейских кордона и подвергаться личному досмотру.

Обвиняемые находились в клетке. Перед началом заседания они начали громко скандировать: «Мы совершили это ради религии, ради нее мы жили, ради нее мы умрем, ради нее мы ведем священную войну».

Когда порядок был водворен, генеральный прокурор стал зачитывать обвинительный акт. Главное обвинение было предъявлено старшему лейтенанту войск артиллерии Халеду аль-Исламбули, именно он непосредственно руководил группой, совершившей покушение. Воспользовавшись положением офицера, он на день парада дал увольнительную трем солдатам своего подразделения и сумел включить на их место своих сообщников, снабдив их боеприпасами. Это были владелец книжного магазина Абдель Хамид Абдель аль-Али, инженер Ата Тавиль Хамид Рахыль, вольноопределяющийся сержант войск народной обороны Хусейн Аббас Мухаммед.

Помимо этой четверки в деле фигурировало еще 20 обвиняемых. Остальным инкриминировалось участие в сговоре с целью убийства президента, подстрекательство к совершению этой акции, оказание различными средствами содействия в реализации плана покушения, незаконное приобретение и хранение оружия и боеприпасов.

В числе обвиняемых были названы инженер Абдель Салям Фараг, преподаватель-теолог Омар Абдель Рахман, подполковник Абу аз-Зумр и другие лица. Они были руководителями организации, планировавшей предпринять после убийства Садата попытку захвата власти в стране. Судя по обвинительному акту, большую роль в заговоре играла молодежь: девять из перечисленных в нем являлись студентами, один — аспирантом.

Военная прокуратура потребовала смертной казни для всех обвиняемых.

В ходе следствия раскрылась картина того, как настойчиво и упорно шла охота за Садатом. И раньше в арабской и западной печати появлялись сообщения о заговорах против египетского президента, что неизменно опровергалось властями. Так, по словам ливанского еженедельника «Аль-Кифах аль-Араби», при встрече с Картером в 1980 году Садат жаловался, что за последние семнадцать месяцев на его жизнь покушались семнадцать раз.

Две попытки были предприняты, например, в январе 1980 года. В тот момент, когда до прилета Садата в Исмаилию оставались считанные минуты, писал еженедельник «Аль-Ватан аль-Араби», на посадочной полосе взорвалось мощное устройство. Вертолет с президентом на борту вынужден был вернуться назад, в Каир. Когда же Садат все-таки прибыл в Исмаилию позднее и совершал прогулку по саду, неожиданно из окна его резиденции раздались выстрелы. Пуля попала в дерево в нескольких сантиметрах от головы Садата. Второй пулей был ранен в руку сопровождавший его личный секретарь. Охрана Садата открыла ответный огонь. Когда обыскали дом, то в одной из комнат был обнаружен труп гвардейского офицера в чине капитана. Рядом с ним лежал пистолет.

Как заметил известный египетский журналист М. Хейкал, «между многочисленными группировками велось настоящее соревнование за право убить Садата». По «делу Садата» было арестовано 700 человек. При арестах захвачено 17 пулеметов, 41 автомат, 23 пистолета, 116 ручных гранат, большое количество взрывчатки, бутылок с зажигательной смесью и боеприпасов.

Последнее покушение готовилось особенно тщательно. Все было рассчитано на несколько ходов вперед. Если бы неудача постигла заговорщиков 6 октября, то местом операции стало бы местечко Аль-Канатир аль-Хейрия, куда Садат должен был приехать на отдых. Там готовился взрыв автомашины, груженной баллонами с природным газом.

Следующая попытка была бы осуществлена во время массового митинга на стадионе 17 октября.

Кто же разрабатывал и готовил эти операции?

Общее руководство подпольной террористической организацией, в которую вошли несколько исламских группировок, в частности «Джихад» и «Ат-Такфир валь-Хиджра», взял на себя инженер Абдель Салам Фараг. Его книга «Утраченная истина» легла в основу программы организации.

Фарагу помогала «консультативная группа». Набиль аль-Магриби отвечал в ней за подготовку боевиков и сбор сведений. Бывший подполковник египетской армии Абу аз-Зумр разрабатывал планы «революции» и захвата различных объектов. Аз-Зумр, блестящий офицер, в возрасте тридцати с небольшим лет, исчез из штаб-квартиры военной разведки за несколько недель до убийства Садата.

Параллельно действовал «консультативный совет» во главе с муфтием (религиозным лидером) организации преподавателем богословия из Асьюта Омаром Абдель Рахманом. Он издавал фетвы (религиозные предписания) для членов организации, в которых объявлял руководителей государства «неверными». Им было записано 100 кассет с выступлениями, которые планировалось распространить для прослушивания в мечетях.

У участников заговора не было единого мнения. Некоторые считали целесообразным убрать президента через два года, когда завершится необходимая подготовка к «народной революции». В частности, против убийства во время парада выступал Абу аз-Зумр, так как считал, что организация не готова к свершению «исламской революции». Он изменил свою позицию, когда ему сообщили, что акцию совершит изолированная группа лиц, которая при любых условиях будет отрицать свою причастность к группе «Ат-Такфир валь-Хиджра». Согласно признаниям Халеда аль-Исламбули, решение об убийстве Садата 6 октября принял Абдель Салам Фараг, когда узнал, что аль-Исламбули будет участвовать в параде.

После физического уничтожения президента

планировался захват здания радио и телевидения АРЕ, где один из дикторов должен был зачитать заявление о «революции». Работавший там инженер имел задание прервать обычные радио- и телепередачи для трансляции заявления на всех используемых частотах.

Выполняя этот план, сразу после нападения на главную трибуну во время военного парада часть боевиков под руководством Абдель Саляма Фарага направилась к зданию радио и телевидения. Однако, натолкнувшись на усиленную охрану, они предпочли отказаться от нападения и скрылись.

Но бикфордов шнур антисадатовских выступлений продолжал тлеть. Два дня спустя новый взрыв произошел на юге Египта в городе Асьюте, пожалуй, самый сильный за последние годы. Переодевшись в полицейскую форму, мусульманские экстремисты захватили 8 октября городскую штабквартиру службы безопасности. Завязался бой. Было убито 44 полицейских, десятки ранены. Только перебросив подкрепление на вертолетах, власти подавили мятеж.

Видимо, не случайно именно Асьют стал местом последней вспышки. Выходцем из этого города был Шукри Мустафа — основатель экстремистской религиозной группировки «Ат-Такфир валь-Хиджра», сыгравшей ведущую роль в убийстве Садата.

Широкою огласку деятельность этой организации получила в июле 1977 года. 3 июля в Каире был похищен бывший министр вакуфов (церковных земель) шейх Мухаммед Хусейн ад-Дахаби. Его похитители потребовали выкуп в 200 тысяч египетских фунтов и освобождения из тюрьмы 60 заключенных — своих товарищей.

Власти отклонили эти требования, а 5 июля был найден труп шейха ад-Дахаби. Он был убит по мусульманскому ритуалу — пулей в левый глаз, который называется в коране «оком сатаны».

Полиция ответила репрессиями. 300 членов организации «Ат-Такфир валь-Хиджра» были арестованы. Премьер-министр и министр внутренних дел Мамдух Салем отменил свою поездку в Вену и Бу-

харест. Все эти дни взрывы бомб следовали один за другим.

Тогда-то и предстал перед судом высшего военного трибунала Шукри Мустафа — «принц группы верующих». Впервые он был арестован в 1966 году вместе с группой «братьев-мусульман».

Тень «братьев-мусульман»

«Наша цель — аллах. Наш господин — пророк Мухаммед. Наша конституция — коран. Наше оружие — священная война. Наше высшее желание — смерть во имя аллаха». Таково кредо организации «Братья-мусульмане». Она была создана в Египте Хасаном аль-Банной в 1928 году.

Все пороки в обществе «братья-мусульмане» видели в забвении исламских канонов, в разлагающем влиянии западной цивилизации. Соблюдение корана рассматривалось как панацея от всех бед. «В мире нет другой системы, которая бы обеспечила пробуждающуюся нацию организацией, базой и симпатиями так, как исламская система», — проповедовал аль-Банна. На словах «братья-мусульмане» заявляли о готовности сотрудничать с любым правительством, которое бы выполняло их программу. В случае отказа предусматривался захват власти.

Аль-Банна создал иерархическую организацию, построенную на беспрекословном подчинении. «Слушаю и повинуюсь» — эту клятву согласно 13-й статье устава должен был произносить член общества при каждой встрече с «верховным наставником». Основным звеном организации были фаланги. Существовал руководящий центр. Работали не только легальные, но и подпольные группы.

Участники организации проходили тщательную подготовку и отбор. Только те, чья биография была известна во всех подробностях, могли стать полноправными членами. Каждый из них должен был ежедневно вести отчет о том, как он изучал коран, совершал намаз, делал физические упраж-

нения утром и вечером. Раз в месяц эти отчеты представлялись начальству. Кроме того, проводились занятия по религиозному обучению, военному делу, законодательству, первой медицинской помощи. За ними следовали экзамены. Члены организации должны были пройти медицинское обследование — проверить зрение, грудную клетку, состояние нервной системы.

После завершения всего курса подготовки новый активный член «братства» давал клятву лично аль-Банне или его представителю. Этот ритуал проходил в темной комнате. Клялись на коране и пистолете. В полном мраке голос аль-Банна звучал мистически. Он говорил о целях организации, о том, что только джихад — священная война приведет к победе ислама. Он предупреждал, что отступничество и предательство будут караться смертью. Это было нешуточное предупреждение. Аль-Банна обладал феноменальной памятью — он не забывал имен, лиц или мест, которые однажды слышал или видел. Он знал многих и помнил о них все — об их происхождении, родне, привычках, положении в обществе и взглядах.

Вскоре после второй мировой войны отряды египетских «братьев-мусульман» насчитывали десятки тысяч боевиков. Их деятельность стала представлять серьезную угрозу для правящей верхушки. 8 декабря 1948 года король Фарук запретил организацию «Братья-мусульмане». Вслед за этим потянулась кровавая цепочка убийств.

28 декабря 1948 года был убит премьер-министр Нукраши. Его застрелили в лифте министерства внутренних дел лица, одетые в форму полицейских. А 12 февраля 1949 года ответной жертвой стал сам «верховный наставник» Хасан аль-Банна. Он сидел в машине, когда раздался выстрел в спину. Аль-Банна скончался. Агент полиции, совершивший покушение, был ликвидирован по приказу тех, кто его нанял.

Июльская революция 1952 года на некоторое время погасила страсти. «Братья-мусульмане» были выпущены из тюрем в числе других узников королевского режима. Началось расследование

убийства аль-Банни. «Братьев-мусульман» пригласили даже принять участие в правительстве. Но из трех их представителей был утвержден только один — шейх аль-Бакури, который вслед за этим был исключен из рядов «братства». Мусульманские экстремисты хотели диктовать свою волю, а не подчиняться. Они предложили создать свой комитет, который бы цензурировал все законы перед их утверждением. «Я уже говорил «верховному наставнику», — ответил Насер, — что мы не потерпим опеки. Я повторяю это снова с той же решимостью».

Пути египетской революции и фанатичного религиозного движения разошлись.

26 октября 1954 года Насер выступал на большом открытом митинге в Александрии. Многотысячная толпа с жадным вниманием ловила каждое слово. Неожиданно из первых рядов раздались выстрелы. Пули просвистели над трибуной, разбив вдребезги уличный фонарь. Так «братья-мусульмане» снова заявили о себе. Не теряя самообладания, Насер продолжал речь: «Пусть они убьют меня. Но кто такой Насер? Он ведь один из многих. А всех не убьешь!»

Бросив вызов революции, «братья-мусульмане» опять оказались за обочиной египетской истории. Пять членов организации были казнены, «верховный наставник» Хасан аль-Худейби приговорен к пожизненному тюремному заключению. На долгие годы мусульманские экстремисты исчезли с политической сцены Египта. О них вспомнил, придя к власти, Садат.

Садат поддерживал личное знакомство с основателем «Братьев-мусульман» Хасаном аль-Банной и питал к нему большую симпатию. Они встретились еще в начале 40-х годов. Это было в Маади вечером. Садат сидел за ужином со своими товарищами, когда пришел какой-то бородатый шейх. «Мы пригласили его разделить трапезу, — вспоминал Садат в своей книге «Революция на Ниле». — Он любезно согласился и занял место среди нас. Его речь была изысканной. Он был полон благородства. В уголках его мечтательных и печальных

глаз блестела такая доброта души, что создавалось впечатление, что вы смотрите на святого. Хасан аль-Банна не вещал, как проповедник, размеренными и назидательными фразами. Он прямо и непринужденно отвечал на вопросы».

В 1942 году состоялась их тайная встреча. «Я сказал ему, что час действий уже пробил», — писал Садат. Речь шла о планах, связанных с сотрудничеством с нацистами. Аль-Банна не дал никаких заверений, что его боевики примут участие в садатовской аванюре. Но он подробно информировал собеседника о подготовке своих полувоенных формирований и их вооружении, предложив объединиться.

Помолвка не состоялась. Но до конца жизни Садат говорил об аль-Банне: «Уважение к этому человеку и к тому, что он проповедовал, было и остается неизменным».

«Братья-мусульмане» понадобились Садату, когда он занял президентское кресло. В то время по Каиру ходил анекдот. Рассказывали, как новый президент поехал в свой офис. Доезжает до перекрестка. «Куда поворачивать: налево или направо?» — спрашивает шофер. «А куда обычно ехал Насер?» — задает вопрос Садат. «Налево». — «Тогда включай левый поворот — и едем направо».

В этой шутке изрядная доля истины. Сигналя о верности насеровским традициям, Садат сделал крутой вираж вправо. 15 мая 1971 года была провозглашена так называемая «революция исправления». Началась чистка насеровских кадров. Были уволены в отставку, преданы суду и приговорены к различным срокам тюрьмы председатель Национального собрания Египта Лабиб Шукейр, генеральный секретарь Арабского социалистического союза Абдель Мохсен Абу ан-Нур, военный министр М. Фавзи, министр внутренних дел Ш. Гомаа и ряд других государственных и партийных деятелей. Тогда же были выпущены на свободу «братья-мусульмане».

Первые три года Садат даже подкармливал мусульманские ассоциации. «Братьям-мусульманам» разрешили издавать свой журнал «Ад-Да-

ава» («Призыв»). В университетских городах власти закрывали глаза на эксцессы, устраиваемые воинственными фанатиками. Подыгрывая религиозникам, сам Садат устраивал телевизионное шоу своих посещений пятничных молитв. Он усилил исламский характер конституции.

Коптскую (христианскую) общину Египта серьезно встревожил обсуждавшийся правительством закон, предусматривающий смертную казнь для мусульманина, отрекающегося от своей веры. В случае принятия этого закона многих коптов считали бы вероотступниками. Часто, для того чтобы взять в жены или в мужья человека, исповедующего ислам, они вынуждены были переходить в мусульманскую религию, чтобы затем вернуться в свою первоначальную веру. Следовательно, им грозила бы смертная казнь. В знак протеста христианская община в сентябре 1977 года объявила четырехдневный пост.

За игрой Садата на струнах мусульманского религиозного фанатизма не скрывалось ничего, кроме желания укрепиться у власти. «Исламская метла» должна была вымести влияние насеристов, египетских левых и прогрессивных сил.

«Запрещенная экстремистская религиозная организация «Братья-мусульмане» вновь возрождается в Египте, — бил тревогу каирский еженедельник «Роз эль-Юсеф» в сентябре 1976 года.— Остатки руководства этой организации начали в последнее время активную кампанию по вербовке новых сторонников. Во многих городах им удалось возродить организационную деятельность «братьев-мусульман». Их усилия сосредоточены в основном на работе среди молодых представителей столичной интеллигенции, административного аппарата, служащих компаний и организаций государственного сектора, а также среди лиц, занимающих посты, на которых они могут потворствовать или даже содействовать деятельности организации. «Братья-мусульмане» пытаются поставить страну перед свершившимся фактом их существования».

Правые силы, отмечал еженедельник, предпринимают отчаянные попытки доказать, что происхо-

дящая в Египте «социальная битва» между подавляющим большинством обездоленного народа и кучкой богачей на самом деле якобы является «религиозной битвой» между исламом и коммунизмом; таким образом они хотят обмануть массы, отвлечь их от подлинной борьбы, изолировать от настоящих друзей.

На это рассчитывал Садат. Но, освободив мусульманских экстремистов и развязав им руки, он выпустил из бутылки джинна.

...Еще в тюрьме Шукри Мустафа вел споры с «верховным наставником» Хасаном Худейби. «Сорняк всегда будет расти, если не вырвать его с корнем, не сжечь, не стереть в порошок. Радикальным средством очищения общества может быть только террор»,— доказывал Мустафа. «Мы не судьи,— пытался охладить его пыл Худейби.— Мусульманин не может присвоить себе право покушаться на жизнь другого мусульманина». Но его собеседник был неукротим. Очутившись на свободе, Ш. Мустафа приступает к созданию собственной секты. Редкое красноречие, знание корана и изречений пророка, презрение к смерти и стремление к мученичеству создают ему популярность.

Все египетское общество, а не только правительство, проповедовал Мустафа, прогнило и отступило от принципов ислама. Необходимо искупление — такфир. Все должно быть уничтожено и перестроено с самого начала в соответствии с исламскими предписаниями. Для выполнения этой задачи можно использовать «священное насилие». Право и обязанность истинных мусульман — устранить несправедливых правителей или несправедливую систему.

Но задача «такфира», учил Ш. Мустафа, является сложной. Для ее осуществления требуется время. Отсюда обращение к исходу — хиджре. Когда-то Мухаммед, не понятый и не принятый своими соплеменниками в Мекке как пророк, бежал в Медину. Оттуда он начал победоносную войну за распространение своей религии. С момента переселения Мухаммеда («хиджры») и ведется мусульманское летоисчисление. Мустафа пропове-

довал бегство из общества, следуя примеру пророка. Он выступал за создание изолированных поселений, которые должны стать ячейками нового исламского Египта. Так зарождалась организация «Ат-Такфир валь-Хиджра».

Возраст до 26 лет, блестящая защита звания бакалавра, а затем солидное высшее образование; место рождения — сельские районы и города Верхнего Египта; воспитание, полученное в сплоченной семье мелких буржуа, — таков вкратце облик рядового активиста организации «Ат-Такфир валь-Хиджра» согласно исследованию, проведенному египетским ученым Саад эд-Дином Ибрагимом.

В полицейских анналах деятельность организации «Ат-Такфир валь-Хиджра» была зафиксирована впервые в 1973 году. Вторично аресты ее членов начались в мае 1975 года. Но ее лидеру и 15 другим членам удалось скрыться. Арестованных обвинили в попытках свергнуть режим, в подстрекательстве молодежи, в связях с другой группировкой — «Ат-Тахрир» («Освобождение»).

Ударный отряд «Ат-Тахрир» совершил нападение на военное училище в Гелиополисе в ночь на 18 апреля 1974 года. Группа в 20 человек, включая нескольких курсантов, попыталась захватить склады с оружием и автомашины. Затем они должны были проследовать к зданию Арабского социалистического союза, где проходило заседание ЦК АСС и Народного собрания с участием Садата. Им предстояло проникнуть внутрь помещения, сообщив охране, что в зале заложена взрывчатка. Посеяв панику, заговорщики должны были захватить президента и руководителей государства.

Этот план сорвался уже в самом начале. Атака на военное училище захлебнулась. В ходе стычки было убито 11 и ранено 27 человек. Нападающие были схвачены. Их руководитель Салех Абдалла Сорейя был расстрелян.

Легко представить себе, какое пухлое досье накопилось на организацию «Ат-Такфир валь-Хиджра» к моменту убийства шейха Хусейна ад-Дахаби. Силы безопасности не мешкали. Они арестовали около 300 членов организации, в том числе 80

женщин. 36 руководителей секты были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Пятеро, включая «принца» Шукри Мустафу, повешены.

Но организация насчитывала уже от трех до пяти тысяч членов. Она получала указания от находившихся в тюрьме руководителей второго эшелона через сочувствующих охранников, используя тайные каналы. На свободе были Фараг, Исламбули и другие. Важным элементом их «философии» было полное презрение к смерти. Страх перед смертью считался самым тяжким грехом. Кроме того, по свидетельству профессора политических наук Каирского университета Десуки, в Египте существовало более ста группировок, представлявших весь спектр толкований ислама. А такие, как «Гунд алла» («Войско аллаха»), отличались не меньшей воинственностью, чем последователи Ш. Мустафы.

В их глазах Садат был непосредственным виновником трудностей и бед египетского народа. Он нес ответственность за проявления социальной несправедливости, чрезмерное обогащение меньшинства, коррупцию. Позже каирский журнал «Октябрь» был вынужден констатировать: «В Египте, в обществе, где богатые становятся богаче, а бедные — беднее, где существует огромная пропасть между богатыми и бедными, где на роскошные дома с завистью взирают обитатели лачуг, могильных склепов и ветхих домишек, вынужденные вдесятером жить в одной комнате, эти люди, чувствуя себя чужими в своей собственной стране, начинают искать «утраченную истину».

Обладавший чутьем на «крамолу», то и дело проводивший перестановки на различных ступенях общественной лестницы, Садат заподозрил неладное. Он нанес жестокий удар по силам оппозиции. 2 сентября 1981 года были проведены повальные обыски и аресты. Более 1500 человек оказались за решеткой. Одной из основных мишеней репрессий были мусульманские экстремистские группировки. Все 40 тысяч мечетей страны перешли под государственный контроль. Были запрещены также

коптские организации, низложен и сослан в монастырь патриарх Шенуда III.

Удары сыпались направо и налево. Среди схваченных агентами египетской службы безопасности лиц оказались члены генерального секретариата ЦК Национально-прогрессивной (левой) партии (НПП), видные деятели Социалистической партии труда (СПТ), бывший заместитель премьер-министра, председатель Общества египетско-советской дружбы Мухаммед Абдель эз-Зайят. Египетские власти приняли решение о закрытии газеты «Аш-Шааб», печатного органа находящейся в оппозиции СПТ. В столице Египта начался судебный процесс над группой руководителей действующего в эмиграции Египетского патриотического фронта.

«В Каире приняты поистине беспрецедентные меры по обеспечению безопасности,— сообщал 4 сентября египетский корреспондент американской телевизионной компании Эй-би-си Р. Миллер.— Одетые в штатское полицейские патрулируют улицы, грузовики с отрядами полиции, оснащенной специальными средствами борьбы с беспорядками, сосредоточены в боковых улицах и скверах, агенты безопасности не разрешают делать на улицах фотографии».

«Египетский народ озлоблен и озабочен, многие считают, что Садат повторяет ошибку, уже совершенную ранее бывшим иранским шахом. Как полагают, Садат обсудил возможный удар по диссидентам во время своего визита в Вашингтон,— информировал телезрителей дипломатический корреспондент Эй-би-си Б. Дансмор,— поэтому нынешние события в Египте не вызывают в Вашингтоне удивления. Для американских официальных лиц является кошмаром мысль о том, что что-нибудь может случиться с Садатом, они стараются не говорить ничего такого, что бы могло нанести удар по египетскому президенту».

Успокаивая себя и своих патронов, Садат устроил 9 сентября пресс-конференцию для иностранных журналистов. «Мой режим прочен и не боится «братьев-мусульман», — уверял он.— Они

уже пытались выступить против слабых и продажных правительств до июльской революции, но неудачно. Как же они могут сладить с таким сильным правительством, как мое, когда 99,9 процента населения поддерживает меня?»

Впрочем, даже на этой пресс-конференции выдержка изменяла египетскому президенту. Забыв о браваре, он скатывался на истерические нотки, обрушивался с нападками на западных корреспондентов. «Я бы расстрелял вас,— пригрозил Садат одному американскому журналисту,— если бы не мешала демократия, которую я установил в Египте».

Оставался еще один излюбленный прием, чтобы выпустить пар из котла. К нему обычно прибегал Садат в трудной для себя ситуации. Чтобы отвлечь внимание масс, была состряпана фальшивка о «кознях Москвы».

В египетской печати появились сообщения о раскрытии «тайных операций Москвы» под кодовыми названиями «Марш», «Яблоко-19», «Море», якобы направленных на свержение Садата. Не жалея красок, расписывалось, как «вездесущие и всевидящие» герои «мухабарата» (египетской контрразведки) проявили такую бдительность, что фиксировали даже «биение сердца красных агентов».

Участниками заговора были объявлены арестованные члены египетско-советского Общества дружбы. Прямые обвинения в подготовке переворота адресовались советскому посольству в Каире, после чего многим сотрудникам посольства и советским специалистам, работавшим на совместных стройках, было предложено покинуть Египет. (Забегая вперед, скажу, что одним из первых решений нового президента АРЕ Х. Мубарака было прекращение этого позорного «дела» и освобождение всех арестованных по нему лиц.)

Итак, политическая атмосфера в Египте была накалена до предела. Но не стоит переоценивать мусульманских экстремистов. Их действия — лишь одна из искр в общем пламени антисадатовских выступлений. Об их масштабах можно судить по январским событиям 1977 года.

В тот год египетское правительство, подчиняясь требованиям Международного валютного фонда, сократило субсидии на продукты питания и предметы первой необходимости. В ответ утром 18 января остановились предприятия в Хелуане — промышленном пригороде, расположенном в 24 километрах от Каира. Около десяти тысяч рабочих, собравшихся на площади, решили объявить забастовку и отправиться пешком в столицу.

Однако на подступах к столице они натолкнулись на заслон специальных сил безопасности и полиции, дорога оказалась перерезанной внушительной баррикадой. Командир полицейского отряда предложил рабочим повернуть назад. Те ответили отказом. Произошли первые столкновения. Полиция применила оружие и слезоточивый газ, рабочие — камни. Часть демонстрантов тем не менее достигла Каира, где многие уже слышали о том, что произошло.

Напряжение возрастало. На улицах появились дополнительные полицейские и военные патрули, была усилена охрана банков, государственных учреждений, местных отделений полиции и помещений Арабского социалистического союза. Столичные высшие учебные заведения напоминали разтревоженные улы. А когда хелуанцы прорвались через кордоны полиции к центральной площади Ат-Тахрир, к ним присоединились студенты университета Айн-Шамс. Одновременно в разных районах столицы на демонстрацию вышли рабочие, служащие, учащаяся молодежь.

Волнения докатились до Александрии — средиземноморского порта, второго по величине города Египта, где демонстрации приняли еще более массовый характер. В порту завязались ожесточенные сражения демонстрантов с полицией и силами безопасности. Поступили первые сообщения об убитых, раненых, арестованных. В тот же день появились сведения о демонстрациях протеста в других городах страны, а также в сельских районах Верхнего Египта.

Утром 19 января обстановка в столице вновь стала накаляться. Большинство каирских

предприятий не работало, остановилось движение городского транспорта, закрылись магазины. Во всех учебных заведениях прекратились занятия. На основных улицах появились баррикады из металлических перил, ограждавших тротуары, и деревянных щитов. Ко всему прочему, в районе Каира разыгралась песчаная буря — ветер ломал деревья, которые, падая, перекрывали проезжую часть улиц...

Нескончаемым потоком тянулись колонны демонстрантов к зданию Народного собрания, чтобы заявить свой протест.

«Садат, Садат, ты одет по последней моде, а мы ютимся по двенадцать человек в одной комнате!» — скандировали они. «Долой эксплуатацию и нищету!», «Долой спекулянтов и воров!», «Мы живем все хуже и хуже!» Появились портреты покойного президента Гамалея Абдель Насера. Мощные кордоны полицейских и сил безопасности, вооруженные автоматами и гранатометами, встретили трудящихся. Попытка разогнать их привела лишь к новым жестоким столкновениям.

Тысячи людей окружили здание Народного собрания. Наконец, заместитель председателя парламента Али ас-Сайед согласился принять делегацию из 15 человек. «Политика правительства, — заявили они, — подрывает принципы, заложенные Насером... Народное собрание не выражает воли народа...» Али ас-Сайед пытался что-то возразить, но его перебили. «После смерти Насера в экономике вообще не проводится сколько-нибудь серьезного курса, правительство предает государственственный сектор...», «Воры!.. Воры!» — раздавались выкрики с улицы. Массовые демонстрации состоялись в тот же день в Александрии, Суэце, Асуане, Асьюте, Кене и в других крупных городах АРЕ. Повсюду был введен комендантский час.

Вечером 19 января Каир был похож на город, по которому прошли неприятельские войска. Улицы столицы патрулировались нарядами армии и полиции, и в некоторых районах стояли броневики. Как сообщила газета «Аль-Ахрам», за два дня в Египте было убито 65 человек, более 800 ранено,

более двух тысяч арестовано. Среди них — рабочие, служащие, студенты, прогрессивные журналисты.

С самого начала египетские власти пытались свалить вину за январские события на «подрывные элементы», «коммунистов», «марксистов», «нассеристов». Об этом говорил министр внутренних дел АРЕ. Подхватив его домыслы, официальная египетская печать поведала о «раскрытии секретной коммунистической организации», которая якобы руководила демонстрациями и «подстрекала массы на ограбление магазинов, поджоги зданий». В подстрекательстве обвинили также легальную Национально-прогрессивную партию. «Если верить заявлению министра внутренних дел, — отмечал еженедельник «Роз эль-Юсеф», — то получается, что массовые выступления трудящихся — это всего лишь буря в стакане воды, устроенная «марксистами». Но если народные волнения — дело рук коммунистов, то, значит, коммунисты и марксисты составляют большинство населения страны?..»

В современную историю Египта январские события 1977 года вошли как «голодные бунты». Садат презрительно назвал их «бунтом воров». Но то был бунт против воров. Несмотря на репрессии, режиму так и не удалось разрядить социальную обстановку. В этой грозовой атмосфере и прозвучали выстрелы на параде.

Досье на раиса

6 марта 1982 года верховный военный трибунал Египта вынес свой вердикт. Виновными были признаны 22 из 24 человек, представших перед судом по обвинению в подготовке и осуществлении убийства Садата. Четверо непосредственных участников покушения во главе с Халедом аль-Исламбули, а также Абдель Салам Фараг, осуществлявший общее руководство заговором, приговорены к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 15 апреля. Пятеро обвиняемых осуждены на пожизненные каторжные работы. Двенадцать че-

ловец — на срок от пяти до пятнадцати лет. Двое подсудимых, в том числе религиозный глава организации Омар Абдель Рахман, оправданы.

«Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь» — так комментировала приговор каирская газета «Аль-Ахрам». Раздавались и другие голоса. В одной из своих статей Хейкал назвал убийц Садата «национальными героями» и заявил, что «день их казни... станет в Египте днем национального траура».

С самого начала каирский процесс превратился в арену острого противоборства тех, кто стремится сохранить садатовское наследие, и тех, кто хотел бы избавиться от него. По существу, он стал процессом над самим Садатом. Один за другим рушились мифы, создававшиеся вокруг личности бывшего раиса (президента) западной и египетской пропагандой. «Человеком инициативы и предвидения» называла его английская «Таймс», расхваливая инфитах — политику «открытых дверей». Уже после смерти Садата газета «Аль-Ахрам» стала публиковать его книгу «Мой завет», в которой инфитах рекламировался как «единственно возможный экономический курс». Но чем же обернулся он для египтян?

Чтобы лучше понять экономические проблемы современного Египта и как они решались Садатом, совершим небольшую экскурсию в Каир.

С воздуха египетская столица предстает каменной громадой. Зелени почти нет. Торчат острые стрелы минаретов, словно нацеленные в небо. Детскими игрушками кажутся параллелепипеды многоэтажных зданий и кубики пирамид. Муравьиными тропами выглядят улицы с потоками машин. На гигантский муравейник похож и сам город. Демографический взрыв особенно наглядно проявляется здесь. Людское море затопило улицы. С боем берутся автобусы и поезда, в которых резервными входами служат окна, а дополнительными местами — крыши.

Большой Каир вмещает десять миллионов жителей, в то время как городские службы, транспорт, телефон, водоснабжение рассчитаны на вдвое меньшее число. Все население Египта достигло

45 миллионов и увеличивается каждый год на миллион человек.

Можно представить себе силу детонации этого демографического взрыва, происходящего в жестких рамках узко ограниченного пространства. Лишь четыре — пять процентов всей площади страны, занимающей территорию в один миллион квадратных километров, используется для земледелия. Остальные — пустыня.

Жилье, работа, добыча насущного хлеба — таковы каждодневные заботы египтян, которые обещал облегчить Садат.

Герой знаменитой сказки Али-Баба произносил «Сезам, откройся», и перед ним распахивались сокровища, собранные разбойниками в пещере. Стоит открыть двери перед иностранным капиталом, проповедовал Садат, и на Египет прольется золотой дождь.

И двери распахивались настужь. В 1974 году был принят закон, предусматривающий широкие гарантии от некоммерческого риска и льготы для поощрения иностранных капиталовложений. Инвестируемый капитал не подлежит национализации, экспроприации. Получаемые доходы в течение 5 лет освобождаются от налогов и могут переводиться за границу. Созданы специальные анклавные — «свободные зоны» для промышленной и торговой деятельности иностранного капитала на территории Египта. Они находятся вне юрисдикции действующих в стране законов.

Но оказалось, что иностранный капитал и не помышлял о сфере производства. Он был готов заняться туризмом, используя египетскую экзотику, дешевое обслуживание и карманы западных толстосумов. Он был не прочь расширить рынок сбыта для своих собственных товаров... А египтяне нуждались в новых фабриках и заводах, новых рабочих местах. Иностранные компании стали соучастниками ограбления трудового народа Египта. Уже в 1980 году руководители центрального банка страны в своем годовом отчете забили тревогу: «Иностранные банки, вместо того, чтобы привлекать капиталы в Египет, концентрируют усилия

на их вывозе». Как выяснилось, иностранные вклады составили лишь десятую часть всех капиталовложений.

Американская помощь, на которую возлагались особенно большие надежды, оказалась весьма сомнительного свойства. «Объекты, построенные Соединенными Штатами, малочисленны и имеют второстепенное значение», — писал на страницах еженедельника «Аль-Ахрам аль-Иктисадия» доктор экономических наук Махмуд Ахмед Вахба. Вся система создана таким образом, чтобы американские деньги возвращались в Америку. Значительная часть средств идет на «смазку» административного аппарата, занимающегося вопросами оказания помощи. В американском посольстве в Каире ими ведают более 200 человек, ведущих роскошный образ жизни. К ним следует добавить еще 400 вашингтонских чиновников, которые «обслуживают» своих каирских коллег. Кроме того, выделяемые средства предназначаются только американским компаниям, которые, как мухи, выются вокруг Агентства международной помощи.

От американской помощи выгадывают главным образом богачи и лица, имеющие политический вес. Бедным же она практически ничего не дает, — делает вывод Вахба. По сути дела, она может быть квалифицирована как замаскированная помощь США самим себе.

В результате инфлята разрыв между бедностью и богатством в Египте в последние годы катастрофически увеличился. По данным прогрессивных экономистов, на пятую часть беднейшего населения приходится всего пять процентов национального дохода, тогда как крайне малочисленная прослойка присваивает себе его четвертую часть. Каирская «Иджипшн газетт» писала о том, что ежегодный доход почти 70 процентов египетских семей составляет не более 400 египетских фунтов. Это значит, что в день они тратят в среднем один фунт на все свои потребности. Что можно купить на эти деньги? Килограмм бобов, например, еще недавно стоил 35 пиастров, мяса — 3 фунта, пачка сигарет — 30 пиастров. И цены растут.

Зато политика «открытых дверей» создала оранжерейные условия для процветания всякого рода дельцов, спекулянтов, торговцев контрабандой. «Жирные коты» — так их называют в Египте. Они разжирили за счет ограбления собственного народа. К концу садатовского президентства в Египте орудовали тысячи миллионеров, начиная с недавно разбогатевших торговцев и кончая отпрысками титулованных семей, которые процветали при Фаруке.

Слухи о коррупции, которые никто не осмелился проверить, всегда окружали семью президента Садата еще при его жизни. Жена Садата, его дети и близкие родственники принимали участие в весьма прибыльных предприятиях, которые осуществлялись в рамках политики «открытых дверей». 20 вилл президента, разбросанных по всей стране, стали символом роскошного образа жизни нуворишей — новой египетской буржуазии.

Материалы о бурной деятельности «госпожи Дж.» (Джихан Садат — жены президента) опубликовала ливанская газета «Ан-Нида». «Упомянутая госпожа, — писала газета, — крупный держатель акций в «Компании морских подрядов», которая обслуживала все без исключения суда, проходящие по Суэцкому каналу, и каждое судно обязательно платило компании. Она также акционер импортной компании «Молитерад», штаб-квартира которой находится в Люксембурге. С ввезенной в Египет пшеницы коммиссионные поступали на счет этой компании. Даже государственный сектор не решался на самостоятельный импорт, а прибегал к услугам этой частной «облагодетельствованной компании».

«Госпожа Дж.» одновременно акционер «Исмаилийской компании перевозок», имевшей монопольное право на внутренние перевозки в стране по суше и по воде. И в этом случае государственный сектор использовался на службе у частного. Государственный сектор мог осуществлять внутренние перевозки лишь в том случае, если от них отказалась «Исмаилийская компания перевозок»,

Когда сын «госпожи Дж.» Гамаль окончил среднюю школу, она позаботилась о том, чтобы открыть для мальчика подобающую его положению компанию. Так была создана «Модерн моторс» — агент многих крупных автомобильных компаний, среди которых «Тоёта» и «Судзуки».

Садат создал целый клан, процветавший на ниве инфитаха. Одну из дочерей он отдал замуж за сына Саида Марая, крупного землевладельца, в течение многих лет занимавшего пост министра сельского хозяйства, а затем кресло председателя Народного собрания, генерального секретаря ЦК Арабского социалистического союза, советника президента.

Другая дочь Садата сочеталась браком с сыном Османа Ахмеда Османа, руководителя строительной компании «Араб контракторс» (филиалы которой существуют во многих арабских странах). Осман уже давно заработал репутацию «самого богатого человека Египта». В 1973 году после октябрьской войны Садат назначил его министром восстановления, отдав на откуп зону Суэцкого канала. В январе 1981 года этот родственник египетского президента стал уже заместителем премьер-министра по делам народного развития.

В начале своей политической карьеры Осман избегал каких-либо разговоров о получаемых доходах. «Все это слухи. Моя компания давно национализирована», — заверял он меня в одном из интервью вскоре после назначения на пост министра. Но по мере расцвета политики «открытых дверей», когда дельцы, торгаши и спекулянты почувствовали себя вольготно, отпала необходимость в маскировке. В 1981 году Осман выпустил книгу «Мой опыт», которую агентство Франс Пресс назвало «руководством как стать мультимиллионером в стране, где средний ежедневный доход на человека составляет лишь один доллар».

Разбогатеть — вот сверхзадача, которую поставил себе в жизни Осман. Путь к богатству был для него труден. Но все преодолел упорный Осман. В 1940 году он закончил инженерный факультет, а 10 лет спустя уже возглавлял крупную фир-

му. Но оказалось, что самые большие испытания для его мечты о богатстве были еще впереди. Грянула июльская революция. Зашатались позиции феодалов и капиталистов. Осману предстояло пережить эпоху Насера. Он мимикрировал, за- таился.

С приходом Садата все изменилось. Их сбли- жала не только жажда денег и власти. Осман, как и Садат, был также воинствующим сторонником «братьев-мусульман». Одно время он был даже активным членом организации.

При Садате звезда Османа ярко взошла на египетском небосводе. Его строительная империя охватила арабский мир. В арабских эмиратах, где были филиалы компании «Араб контракторс», при встречах ему отдавали почести как главе госу- дарства.

Закрепившись, почувствовав себя неуязвимым, Осман решил свести счеты с Насером и теми, кто поддерживал насеровский Египет. Публикуя ме- муары, он вылил ушаты грязи на Советский Союз и на Насера.

«Русские хотели похоронить меня живьем», — сообщает он. Что за бред? В чем дело? Оказы- вается, корыстолюбивый Осман, чья компания под- нажилась на подрядных работах при осуществле- нии проекта Асуанской плотины, решил изобра- зить себя героем, разоблачившим «советские коз- ни». Громоздя одну небылицу на другую, Ос- ман пишет, что русские якобы были заинтересо- ваны «как можно дольше затянуть строительство». «Чем больше тянулось время, тем большие воз- можности они получали для создания коммуни- стических ячеек и распространения среди молоде- жи своих ядовитых идей».

Рассказав клеветническую сказку о «бдитель- ном Османе» и «руке Москвы», автор мемуаров не преминул смешать с грязью имя Насера, обви- нив его в финансовых злоупотреблениях. Вспых- нул скандал.

Газета «Аль-Гумхурия» опубликовала заявле- ние бывшего председателя Арабской организации военной промышленности зятя Насера А. Марвана.

Он назвал утверждения Османа ложью и клеветой. Семья Насера, писал Марван, вправе принять установленные законом меры для того, чтобы защитить честное имя покойного президента.

Ясно, что пасквиль не мог появиться без ведома Садата. Но возмущение египетской общественности по поводу мемуаров было столь велико, что он не решился вступить за своего родственника. Осману пришлось уйти в отставку с поста заместителя премьер-министра страны. Однако власти предприняли все меры, чтобы оградить клеветника. Была конфискована книга Махмуда аль-Кады «Стекланные дома», в которой давалась резкая отповедь мемуарам. Запрет на ее распространение был снят при Мубараке.

«Не бросай камни, если ты живешь в доме со стеклянными стенами», — гласит английская пословица. Это предупреждение игнорировалось садатовским кланом. Злоупотребления стали нормой. Все это происходило на глазах простых египтян.

Новая прослойка нуворишей, разбогатевших на политике «открытых дверей», могла добиться чего угодно, не подвергаясь почти никакому контролю со стороны низкооплачиваемых чиновников, которых она подкупала.

Лексикон коррупции рос. Обычными в обиходе стали слова «коса» и «вуста», означающие «блат» и «кумовство». Слово «рашва» (взятка) получило новую классификацию: «баку» — конверт, содержащий 1000 египетских фунтов, и «арнаб» — конверт с миллионом фунтов. Появилась и новая поговорка: «Заплати баку — получишь арнаб».

И не случайно в те же дни, когда перед судом предстали убийцы Садата, в Каире начался другой процесс — над неким Рашадом Османом, бывшим депутатом парламента. Он был привлечен к суду по обвинению в торговле наркотиками, в уклонении от уплаты налогов и во взяточничестве. С ним оказался связанным брат убитого президента Исмаат.

Вскоре за решеткой очутился и он с тремя своими сыновьями. Злоупотребляя родственными свя-

зями, И. Садат прибегал к различным махинациям — перепродаже государству по завышенной цене испорченных продуктов, спекуляции дефицитными товарами, взяткам и вымогательству. Еще в 1973 году он работал водителем автобуса, а к моменту смерти своего брата уже обладал состоянием в 124 миллиона египетских фунтов. Его автомобильный парк оценивался в 5,5 миллиона фунтов. В доме И. Садата в Мит Абуль Кома был обнаружен целый склад оружия и боеприпасов. Садатовское семейство не брезговало и гангстерскими методами.

Под следствием оказался еще один член садатовского клана — брат вдовы Садата миллионер Али Сафуат Рауф, также обвиненный в нечестном обогащении.

Фактически стало слушаться дело самого Садата. Досье на раиса было открыто. Но не только финансовые злоупотребления фигурировали в нем. Так или иначе встал вопрос о других нарушениях — зажим демократии, узурпация власти, преследования оппозиции.

«Закручивание гаек» усилилось вскоре после январских событий 1977 года. В феврале Садат устроил референдум, чтобы одобрить драконовский закон «о защите национального единства и безопасности граждан». Он предусматривал ужесточение наказаний (вплоть до пожизненных каторжных работ) за участие в демонстрациях и забастовках, за членство в нелегальных организациях и всякого рода другую «подрывную деятельность».

Протестуя против репрессий, депутат Народного собрания, бывший вице-президент страны Камаль эд-Дин Хусейн направил телеграмму на имя Садата. Результаты голосования несомненно будут сфабрикованы, писал он, как были сфабрикованы результаты предыдущих референдумов. Этот протест закончился изгнанием Хусейна из парламента.

Комментируя итоги референдума, журнал «Африк-Ази» писал: «Садат пытался доказать своим союзникам и кредиторам из числа империалистов

и феодалов, что он остается хозяином положения. Он рассчитывал убедить их, что опасность, угрожавшая его режиму, проистекала из «обширного коммунистического заговора», инициаторы которого «были готовы установить диктатуру пролетариата». Садат надеялся выпрямить начавший крениться корабль.

В итоге инсценированного референдума египетский народ вынужден был проголосовать «подавляющим большинством» за режим репрессий, направленных против него самого! Все было подстроено так, замечает журнал «Африк-Ази», чтобы 99,47 процента египтян проголосовали за те самые цепи, которыми их хотят сковать. Если бы этот фарс не был трагическим, он был бы попросту смешным!

Следующий референдум в рамках «защиты внутреннего фронта» был проведен в мае 1978 года. Египетские власти получили право «на законных основаниях» систематически проводить кампании по подавлению любых оппозиционных режиму настроений.

Проведение референдумов, инсценировка всенародных «одобрений» стали излюбленным приемом в эпоху садатовского правления. В мае 1980 года был принят закон «о защите духовных ценностей от порочного поведения» и прошел референдум по вопросу о поправках к конституции.

Были сведены воедино все антидемократические акты. Создана система политических карательных органов. Под предлогом борьбы «с безбожниками и коммунистами» власти стремились раздавить любую оппозицию.

Лицам, подпадающим под действие нового законодательства, было запрещено состоять в политических партиях, выдвигать свои кандидатуры на выборах в местные органы власти, в руководство профсоюзных и общественных организаций. Для них был введен запрет на ряд профессий, «оказывающих воздействие на формирование общественного мнения и воспитание подрастающего поколения». Все дела о «порочном поведении» передавались в ведение специального «генерального про-

курора», наделенного почти неограниченными полномочиями. Создавалась система судов «духовных ценностей», которые, по существу, являлись специальными политическими трибуналами. Началась охота на «ведьм».

Поправки к конституции закрепили перестройку государственно-политических структур в Египте. Был усилен режим власти президента. Одна из поправок отменила ограничения на число сроков избрания на президентский пост одного и того же лица. Фактически Садату обеспечивался статус «пожизненного президента».

В высшем эшелоне власти был создан новый орган — консультативный совет. Третью его состава назначалась главой государства, то есть лично Садатом. Функции совета сводились к даче рекомендаций. Тем самым обеспечивалась видимость поддержки и одобрения самых непопулярных мер.

В результате поправок из египетской конституции было вытравлено всякое упоминание об Арабском социалистическом союзе — созданной в свое время Насером политической организации. Распустив АСС, Садат сколотил правящую Национал-демократическую партию. Она сосредоточила в руках все рычаги власти. Сам Садат, занимая пост председателя партии, являлся одновременно президентом и премьер-министром страны.

«Демократический фасад» должна была создать так называемая «многopартийность». Формально разрешалась деятельность легальной оппозиции. Это — центристская Социалистическая партия труда, а также стоящая на правом фланге Национально-либеральная партия. На левом фланге активно действовала Национально-прогрессивная партия (НПП) во главе с видным египетским общественным деятелем, одним из лидеров июльской революции 1952 года Халедом Мохи эд-Динном.

Но что же происходило за «демократическим фасадом»?

Репрессии за репрессиями обрушивались на левые силы. НПП лишили возможности выходить на широкую аудиторию, запретив издание газеты

«Аль-Ахали», пользовавшейся колоссальной популярностью. Членов этой партии бросали за решетку, обвиняя в «коммунистической деятельности».

О методах, применявшихся полицейскими службами, можно судить по «александрийскому делу». Семь лет понадобилось суду государственной безопасности города Александрии для того, чтобы признать невиновными 5 человек, находившихся все эти годы под следствием по сфабрикованному обвинению в принадлежности к «подрывной коммунистической организации».

Обнаруженная у обвиняемых литература, отмечалось в постановлении суда, представляла собой обычные публикации, свободно распространявшиеся в Египте, а тот факт, что живущие по соседству люди имели обыкновение иногда встречаться, еще не означает, что они занимались «нелегальной деятельностью».

Этот антикоммунистический психоз едко высмеял египетский публицист Салах Хафез:

«Конечно, возникает необходимость организовать комиссию для определения, кто такой коммунист. Но если мы до сих пор еще не можем определить, кто такой «феллах», хотя он является нашим отцом, нашим дедом; не можем определить, кто такой «рабочий», мозолистые руки которого мы видим каждый день, то как же определить, кто такой «коммунист», который «скрывает» в себе свои подлинные черты.

На первых порах комиссия решит, что коммунист — это тот, которого арестовали по обвинению в «коммунизме», однако многие были преданы суду по этому обвинению, затем были освобождены за недостаточностью улик.

Имеются и такие, кто не был арестован, так как был осторожен. Но их можно обнаружить по связям с известными коммунистами.

Когда будут объявлять имена коммунистов, комиссия для очистки совести должна будет уточнить списки: «А нет ли еще более осторожных коммунистов, которые не посещают своих коллег, не живут с ними по соседству, не имеют с ними дру-

жеских, семейных и других отношений и даже не обмениваются приветствиями?» Тогда органы безопасности ликвидируют эту комиссию и начнут общенациональное расследование умов.

Коммунистом, конечно, станет каждый, кто на допросе признается, что он с «пролетариями». Слово это — ярлык, который навешивается на коммунистов.

Будут и такие, которые скажут, что они с «рабочими». Их также назовут коммунистами, потому что рабочие — это пролетарии!

Затем очередь дойдет до тех, кто отрицает марксизм, но поддерживает государственный сектор. Но народная собственность на средства производства — это тоже коммунистическое изобретение.

Затем наступит очередь тех, кто жалуется на бедность, выступает против богатых (коммунистическая классовая борьба). Затем — тех, кто требует зарплату по труду (теория прибавочной стоимости). Даже тех, кто не просит ничего, кроме хлеба, одежды и обеспечения жильем (коммунистические требования). Затем — тех, кто любит (развратники!). Потом тех, кто молится только по пятницам (играют на массы!). Тех, кто молится пять раз в неделю (коммунисты — самые крупные лицемеры!). Потом пойдут ученые (материалисты-безбожники). Затем больные в госпиталях (коммунисты, которых наказал аллах). И наконец — мертвые (аллах погубил их за то, что они коммунисты!)».

В этой горькой иронии было немало истины: оппозиционные настроения действительно охватили самые широкие слои.

С резкой критикой саатовского курса выступила группа видных египетских политических и общественных деятелей, включая бывших вице-президентов страны А. Багдади и К. Хусейна, бывшего премьер-министра Азиза Сидки, ряда бывших министров, известных адвокатов и журналистов. Они потребовали создать правительство национального единства, отменить законы, ограничивающие права и свободы египетских граждан, замо-

розить соглашения и прервать все связи с Израилем.

Восстала даже та легальная оппозиция, на чье молчание рассчитывал Садат. На страницах газеты «Аш-Шааб», органа Социалистической партии труда, известный политический деятель Мухаммед Хильми Мурад заявил о несогласии с тем, что президент присвоил себе титул «главы большой египетской семьи». По словам Мурада, смысл этого титула заключается в том, что Садат должен считаться неким «вождем племени», с которым никому не дозволено вступать в дискуссию, а возражения ему квалифицируются как подлость и бесстыдство. «Такой порядок,— писал Мурад,— возвращает нас к политическим режимам, которые господствовали в средние века и в примитивных обществах». Автор осуждал угрозы Садата в адрес оппозиции. «Издеваясь над всеми оппозиционерами, всячески понося их,— отмечал он,— президент Садат в то же время на все лады рассыпается в комплиментах перед израильскими лидерами».

В сентябре 1981 года «Аш-Шааб» была закрыта. Мурад оказался за решеткой в числе многих других. А неунывающие каирцы и в эти мрачные дни пересказывали друг другу старый политический анекдот, вновь ставший злободневным: «Верблюды, идущие по египетской пустыне, встречают зайцев, которые мчатся со всех ног из долины Нила. «Почему вы бежите так быстро?» — «Раис только что отдал приказ об аресте всех верблюдов». — «Но вы же не верблюды, а зайцы...» — «Конечно, но пока мы сумеем доказать это, придется просидеть многие годы в тюрьме».

Немало страниц в досье Садата связано с ущемлением свобод, с «тюремной демократией». Но, пожалуй, главное обвинение против него — Кэмп-Дэвид.

Кэмп-дэвидская сделка

Обложка одного из сентябрьских номеров американского журнала «Ньюсуик» за 1978 год была сделана в стиле афиши циркового представления.

На ней иллюзионист, как кроликов, вытаскивал из цилиндра двух маленьких обнявшихся человечков.

В роли фокусника был изображен президент США Дж. Картер. Ампула «кроликов» отводилось президенту Египта А. Садату и премьер-министру Израиля М. Бегину. Их объятия должны были символизировать вечное примирение. Так «Ньюсуик» комментировал результаты американо-египетско-израильской встречи, состоявшейся в Кэмп-Дэвиде, летней резиденции американских президентов. Там были подписаны два документа — «Рамки заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки мира на Ближнем Востоке». Они стали основой египетско-израильской сепаратной сделки.

Чтобы разобраться в ее сути, совершим краткий исторический экскурс.

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании на земле бывшей английской подмандатной территории Палестины двух независимых государств — Палестины (11,1 тысячи квадратных километров) и Израиля (14 тысяч квадратных километров). Было решено, что город Иерусалим с его «святыми местами», связанными с историей трех религий, не войдет ни в одно из них и будет интернациональным.

Но сионистских лидеров, грезивших о «великом Израиле», явно не устраивало такое решение. С самого начала ими вынашивались агрессивные планы. Уже в 1948 году по вине международного сионизма, империализма и арабской реакции вспыхнула первая арабо-израильская война. Арабское государство Палестина так и не было создано. Часть его территории (6,7 тысячи квадратных километров) была захвачена Израилем. Другая часть оказалась под контролем арабских государств: Иордании — Западный берег реки Иордан и восточная часть Иерусалима, Египта — сектор Газа. Тогда-то и возникла проблема палестинских беженцев, которые, спасаясь от военных действий и террора израильских сионистов, растеклись по странам арабского Востока.

В 1956 году Тель-Авив вместе с Англией и Францией — активный участник тройственной агрессии против Египта. В результате этой агрессии израильская военщина оккупирует сектор Газа и Синайский полуостров. Однако под давлением Советского Союза, других социалистических стран, мировой общественности она была вынуждена откатиться назад.

В 1967 году окрепший Израиль решает уже на самостоятельную авантюру. Разыгрывается «шестидневная война». Нанеся неожиданный удар по трем арабским странам, Тель-Авив вновь оккупирует сектор Газа и Синайский полуостров, захватывает сирийские Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и восточную часть Иерусалима. Площадь оккупированных территорий составила более 60 тысяч квадратных километров, то есть в четыре с лишним раза превысила первоначально установленные размеры Израиля.

Под властью Тель-Авива оказалась вся территория палестинского государства, которое должно было появиться на свет одновременно с рождением Израиля. Полтора миллиона палестинцев, оставшихся на своей земле, живут с той поры в условиях оккупационного режима. Целый народ, насчитывающий сейчас более четырех миллионов человек, оказался лишенным родины. Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности неоднократно принимали решения с требованием к Израилю освободить оккупированные территории и уважать право палестинцев на создание собственного независимого государства.

Четвертая арабо-израильская война, разразившаяся в октябре 1973 года, существенно не изменила сложившуюся ситуацию. Но она представила ее в новом свете. Вера в незыблемость военного превосходства Израиля над арабами была поколеблена. Кроме того, обострившийся энергетический кризис продемонстрировал уязвимость и зависимость экономики Запада от поставок арабской нефти.

После октябрьской войны открылись благоприятные перспективы для справедливого урегулиро-

вания на Ближнем Востоке. Его основой стали известные резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН, предусматривающие вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, а также решения ООН о праве палестинского народа на создание собственного государства. Был создан и международный механизм для осуществления этих решений — Женевская конференция. Вопрос о новой встрече в Женеве уже стоял на повестке дня, но она была сорвана Вашингтоном, Тель-Авивом и Каиром.

26 марта 1979 года на зеленой лужайке Белого дома египетский президент А. Садат и израильский премьер-министр М. Бегин подписали так называемый «мирный договор», в основу которого легли кэмп-дэвидские соглашения. Египет устанавливал с Израилем в полном объеме дипломатические, экономические и другие отношения. В обмен на это Тель-Авив обязался к концу апреля 1982 года полностью вывести свои войска с Синайского полуострова. Об освобождении принадлежащих Сирии Голанских высот, палестинских земель — сектора Газа, Западного берега реки Иордан, восточной части Иерусалима — речи не шло.

За бортом египетско-израильской сделки остались палестинцы, народ, ставший изгнанником по вине израильских агрессоров. Их законный представитель — Организация освобождения Палестины — просто игнорировалась. Максимум, что предлагали кэмп-дэвидские соглашения палестинскому народу, — «автономию» в рамках Израиля. А это значит, что кардинальные проблемы ближневосточного конфликта остались неурегулированными.

Таково вкратце содержание драмы, хэпши энд — счастливый конец которой столь упорно разыгрывали на подмостках Кэмп-Дэвида. Зловещая сделка с Израилем преподносилась как триумф. Но фальшивые звуки победных труб не могли обмануть. «Президент Садат дал бесплатно Израилю то, чего он не смог добиться за все свои войны против арабов, то, что даже не снилось израиль-

ским генералам,— писала сирийская газета «Аль-Баас». — 30 лет они мечтали о таком моменте, когда арабские руководители предстанут перед нами коленопреклоненными и готовыми к капитуляции».

«Матерью арабского мира» называют на Ближнем Востоке египетскую столицу. С ее рождением связана легенда. 5 августа 969 года арабский военачальник Гаухар закладывал город, ставший впоследствии ядром современного Каира. Для этого была огорожена квадратная площадка со сторонами примерно в один километр. По углам были поставлены столбы. Между ними натянуты канаты, определившие периметр будущих стен. Вдоль канатов поставили сотни рабочих, которые по особому сигналу были готовы начать копать землю. Сигналом к работе должен был послужить звон колокольчиков, привязанных к канатам. Предполагалось, что соответствующую команду подадут астрологи, определив благоприятное сочетание звезд. Однако в дело вмешался случай.

На канат уселся ворон. Колокольчики зазвонили. Рабочие бросились копать землю. Как оказалось, в самый неблагоприятный момент. На горизонте восходил Марс (Аль-Кахира). Чтобы отвести этот зловещий знак, город и назвали Аль-Кахира, отказавшись от первоначального имени Аль-Мансурия («Победоносная»).

Вспоминая эту легендарную историю, я думаю о том, что в другом варианте она повторилась в нынешней ситуации. Речь идет, правда, о строительстве не города, а прочного здания мира на Ближнем Востоке. Оно должно было осуществляться всеми арабскими народами. Но, как и в былые времена, в Каире начали действовать, не дожидаясь подходящего момента. «Звонок» последовал из Вашингтона, а не от арабских союзников, договорившихся ранее действовать сообща. Да и кэмп-дэвидская постройка ничем не напоминала здание мира.

На поводке

Когда же началось грехопадение Садата? Насколько активной была роль вашингтонской и тель-авивской дипломатии? Известно, что западная пропаганда внесла свою лепту, умело играя на слабых струнах египетского президента — его тщеславии, амбициозности, превознося до небес его «государственную мудрость и дальновидность» за участие в сепаратном сговоре. Но все больше фактов становится известно о закулисной стороне дела, о том, как происходила манипуляция действиями Садата.

В феврале 1977 года газета «Вашингтон пост» опубликовала материал о платежах ЦРУ различным деятелям на Ближнем Востоке. «Время, усилия и деньги, которые ЦРУ вложило в создание сети тесных и взаимосвязанных отношений с влиятельными творцами арабской политики,— писала газета,— по-видимому, вполне окупил себя».

Одним из основных получателей был назван Камаль Адхам, бывший специальный советник короля Саудовской Аравии и связной ЦРУ.

Цитирую «Вашингтон пост»: «Адхам, свояк покойного короля Фейсала, стал одним из наиболее важных коммерсантов на Ближнем Востоке, который кладет в свой карман комиссионные за продажу Саудовской Аравии самолетов «Боинг» и «Локхид» через корпорацию, которая находится под контролем его семьи и его приближенных».

Адхам — стержневая фигура в арабской политике, влияние и деловые связи которого выходят далеко за пределы его собственной страны. С одной стороны, он близок к королевской династии в Саудовской Аравии, с другой стороны — к президенту Египта Анвару Садату.

Ближние друзья Адхама в Саудовской Аравии называют его «другом Америки» и одним из самых ловких политических деятелей на Ближнем Востоке.

Авторитетное лицо, отказавшееся сообщить какие-либо другие подробности, сказало, что было время, когда Адхам обеспечивал Садату, бывше-

му в то время вице-президентом Египта, постоянный частный доход.

В сентябре 1970 года, после смерти Насера, Садат стал президентом, а спустя восемь месяцев он раздавил заговор, якобы имевший целью свергнуть его. В кругах египетской разведки высказывали предположение, что о существовании заговора Садата уведомило ЦРУ.

В июле 1972 года Садат изменил курс ближневосточной политики, неожиданно выслал из Египта советских военных советников, приглашенных еще Насером, и подготовил тем самым почву для дипломатического «медового месяца» в своих отношениях с бывшим государственным секретарем США Генри Киссинджером после арабо-израильской войны 1973 года».

Не кто иной, как Адхам тайно появился в Каире вскоре после смерти Насера, в первой половине ноября 1970 года. В своей книге «Путь к рамадану» М. Хейкал сообщает, что «он вел переговоры относительно русского присутствия в Египте, говоря о том, как сильно это волновало американцев...» Если бы была завершена первая фаза вывода израильских войск, поставил условие Садат, он мог бы обещать, что вышлет русских. Камаль Адхам, продолжает Хейкал, спросил, может ли он сообщить это американцам, и Садат ответил, что может.

Когда летом 1972 года Садат заявил о высылке советских военных специалистов, Адхам находился в Каире.

Итак, египетский президент сделал проамериканский жест и... ничего не получил взамен.

Эта история будет повторяться постоянно: встав на скользкий путь предательства и двурушничества, Садат скатывался по наклонной плоскости односторонних уступок. Вначале велась беззастенчивая торговля отношениями с Советским Союзом, сыгравшим историческую роль в становлении независимого Египта. «Если бы не советская помощь, — отмечал Насер, — империализм подчинил бы себе нашу страну. Все наши цели были бы растоптаны сапогами захватчиков». Игнорируя опыт

прошлого, Садат в 1976 году пошел на разрыв советско-египетского договора о дружбе и сотрудничестве. Затем на свет появились его «мемуары», порочащие многолетние связи СССР и АРЕ. Но и этого оказалось мало, чтобы вырвать ответные уступки США и Израиля. Садату оставалось сделать последний шаг — порвать отношения с арабским миром. Добиваясь этой цели, Тель-Авив начал активную игру. Она разворачивалась в жанре детектива.

Летом 1976 года состоялись тайные встречи высокопоставленных представителей египетской и израильской разведок. Тогда эти контакты не дали конкретных результатов.

В мае 1977 года к власти в Израиле пришло правительство правого блока «ликуд» во главе с Менахемом Бегинем, прозванным арабами «мясником» за бойню, устроенную в арабской деревушке Дейр-Ясин. Казалось, что бывшему израильскому террористу, руководителю экстремистской организации «Иргун цвей леуми», и египетскому «религиозному националисту» будет трудно найти общий язык, но это только казалось.

М. Бегин предпринимает ловкий ход, чтобы покрепче подцепить на крючок египетского президента. Садату были переданы сведения израильской разведки о якобы готовящемся заговоре против него. В них утверждалось, что некие левые элементы, обученные в Ливии, замыслили свергнуть правительство в Каире. Взбешенный Садат начал пограничную войну против Ливии. Потирая руки, Бегин заставил кнессет объявить о том, что Тель-Авив не предпримет ничего против египтян на Синае, пока те возятся с ливийцами.

«Благородство» Бегина было оценено Садатом. Путь к новой египетско-израильской встрече был открыт.

В пятницу 16 сентября 1977 года Рэчел Даян, жена Моше Даяна, поднялась в Брюсселе на борт самолета, улетавшего в Нью-Йорк. Миссис Даян сопровождала мужа в его поездке в Соединенные Штаты. В качестве нового министра иностранных дел Израиля он должен был встретиться с прези-

дентом Картером и подготовиться к открытию Генеральной Ассамблеи ООН. В аэропорту обратили внимание: миссис Даян была одна.

Сначала репортеры предположили, что Моше Даян, по соображениям безопасности, поднялся в самолет раньше. Однако после взлета выяснилось, что это не так. К тому времени, когда реактивный самолет приземлился в аэропорту Кеннеди, вопрос о местопребывании Даяна превратился в загадку международного масштаба...

В Израиле ходили слухи, что он в Париже или в Женеве, Бухаресте или Вене, Тегеране... Вечером следующего дня Даян появился в Тель-Авиве. Отметая вопросы, он скользнул в лимузин и заявил журналистам: «Я отправляюсь домой спать». Вместо этого он поехал в Иерусалим к дому Бегина, где премьер-министр и глава израильской разведки ожидали его. Никто в Израиле не вступал в контакт с Даяном с тех пор, как он покинул Брюссель в день своего запланированного полета в Нью-Йорк. Лишь горсточка людей, занимающих самые высшие посты, знала, где он находится.

Он был в Марокко — отправился туда на частном самолете, надев для маскировки огромные темные очки и мягкую шляпу. Там он встретился с египтянином Хасаном ат-Тухами, доверенным лицом президента Анвара Садата.

Бегин в Иерусалиме не имел возможности узнать, что было сказано на встрече в Рабате до тех пор, пока Даян не вернулся. Миссия была слишком деликатной, чтобы доверить что-либо телефонам или телексу. Новостью, которую он привез, было: Садат желает встретиться с Бегинном.

Садат решил поехать в оккупированный Израилем Иерусалим. Он рассчитывал нажить крупный политический капитал. Ставка делалась на сенсационность такого шага.

Тайно подготовленная поездка преподносилась как «смелый экспромт», «импровизация», «неожиданность» даже для американцев. На деле в сентябре 1977 года Садат уведомил президента США

Картера о своем намерении «попытаться предпринять смелый шаг». «Как только стало ясно, что президент Садат собирается в Иерусалим,—говорил Картер,—мы немедленно стали использовать наше влияние с тем, чтобы убедить другие страны не осуждать это решение».

«Историческая миссия», «миссия мира», «событие века»,—кричали заголовки западных газет, вещали комментаторы радио и телевидения. Каждое сообщение подавалось как сенсация.

...В израильской полиции отменены все отпуска. Отдан приказ о боевой готовности, с тем чтобы обеспечить безопасность президента Садата. 10 тысяч человек из служб охраны порядка должны были выполнять эту задачу.

...Администрация аэропорта Бен-Гурион отправила в чистку свой красный ковер. Руководители протокольной службы занимаются организацией почетного караула и салюта из 21 орудия, но не знают, где найти ноты египетского гимна для военного оркестра... Особые меры безопасности принимаются во время посещения Садатом мечети Аль-Акса в восточном Иерусалиме, который Израиль захватил в 1967 году. Эта мечеть—одно из самых почитаемых святых мест ислама. Именно там в 1951 году был убит иорданский король Абдаллах за то, что пытался заключить сепаратный мир с Израилем.

Громадную лепту рекламы и саморекламы в иерусалимский визит внес сам Садат, рассказавший, например, на одной из пресс-конференций еще об одной стороне подготовки в Израиле к его визиту в Иерусалим. «Опасаясь обмана с нашей стороны,—сказал он,—израильские власти разместили в аэропорту тысячу снайперов, которые должны были уничтожить самолет, если бы оказалось, что прилетел не я, а отряд десантников с целью убить собравшихся для встречи руководителей Израиля».

Что же до существа дела, то в ответ на паломничество Садата в Иерусалим Бегин не пошел на уступки ни по одному пункту. В речи в кнессете он не упомянул ни о правах палестинских арабов,

ни об отходе Израиля с оккупированных земель, ни о готовности принять участие в женевских мирных переговорах.

Начавшийся с такой помпой 19 ноября 1977 года визит Садата в Иерусалим закончился фарсом. В виде хоть какого-то утешения арабам египетская газета «Аль-Ахрам» сообщила, что поездка Садата обошлась Тель-Авиву в 18 миллионов израильских фунтов. В дополнение к этому прямому расходу, писала газета, израильской экономике, по некоторым подсчетам, был нанесен ущерб еще в размере 500 миллионов фунтов тем, что в рабочие часы израильские рабочие и инженеры смотрели телерепортажи о визите Садата!

Последовавшие после поездки египетско-израильские переговоры зашли в тупик. Выступая в Национальном клубе печати США в феврале 1978 года, Садат не скрывал своего отчаяния: «Когда мы сделали все, нам было сказано, что не будет возврата к границам 1967 года. Нам было также сказано, что палестинский народ не имеет права на самоопределение, каковое является одним из основных прав людей. Нам было сказано, что израильское правительство подаст скорее в отставку, нежели согласится на компромисс в вопросе о незаконных поселениях, созданных на арабских землях, чье создание явилось вызовом мировому общественному мнению, отраженному в единодушно принятых резолюциях ООН. Нам было сказано, что арабы, как христиане, так и мусульмане, не могут претендовать на Иерусалим. Хуже того, нам было сказано, что Израиль не нуждается в нашем признании».

Так Тель-Авив отреагировал на капитулянтские действия египетского президента. Он сразу же поставил ультимативные условия.

«Нельзя требовать, чтобы уступки делались в одностороннем порядке, — сетовал Садат. — Израильская позиция, — жаловался он, — по мере того, как мы продолжали начатое, не только не смягчается, а напротив, становится более жесткой».

К лету 1978 года и самому Садату стало ясно, что его поездка в Иерусалим потерпела сокруши-

тельное фиаско. Расчеты на то, что Тель-Авив ответит каким-то сенсационным жестом и пойдет хотя бы на какие-то уступки, не оправдались. И в то же время сепаратные действия египетского президента вызвали бурю возмущения в арабском мире. Вокруг Каира создалось кольцо враждебной изоляции.

Дискредитация Каира вызвала серьезную обеспокоенность Вашингтона. Нарушалась новая игра американской ближневосточной дипломатии — проведение так называемого «сбалансированного курса». США не могли не считаться с тем, что односторонняя ставка на Израиль ведет к подрыву их собственных интересов на Ближнем Востоке — экономических, стратегических, политических.

Теперь в бурном потоке ближневосточных событий Вашингтон пытался «сбалансировать на двух бревнах», опираясь на некоторые так называемые «умеренные» арабские страны и на Израиль. Поощрение сепаратистского курса Садата — это попытка склотить из этих бревен «плот», добиться союза сил арабской реакции и сионизма.

После неудачи в Иерусалиме положение Садата стало катастрофическим. «На карту, — писала французская газета «Фигаро», — были поставлены не только положение Садата как лидера арабского мира, но и его политическое будущее в Египте, а, возможно, даже и его голова».

Садату не хотелось терять ни свое положение, ни тем более голову. Соединенным Штатам не хотелось терять Садата, на которого была сделана крупная ставка. И США предпринимают экстренную операцию по спасению Садата и зашедших в тупик сепаратных переговоров. Дж. Картер берет на себя непосредственное руководство ею.

Подготовка кэмп-дэвидской встречи велась в абсолютной тайне. Лишь некоторое время спустя «Ньюсуик» сообщил подробности. На Ближний Восток отправился госсекретарь США С. Вэнс с личными посланиями Картера, адресованными Бегину и Садату. Каждое из этих посланий во избежание разглашения было изложено на пяти написанных от руки страницах светло-зеленой бу-

маги с личным грифом президента. В них содержалось приглашение в Кэмп-Дэвид.

Картер так старался не допустить утечки информации, что большинство высокопоставленных американских официальных лиц, включая послов США в Египте и Израиле, не были заранее уведомлены об этом плане. В Иерусалиме Вэнс проинформировал Альфреда Атертона, своего специального эmissара на Ближнем Востоке, причем сделал это в консульстве США, а не в своих апартаментах в отеле «Царь Давид». Как выразился один из помощников Вэнса, «комнаты были тщательно «прочесаны» (на предмет обнаружения подслушивающих устройств), но мы просто не доверяем отелям».

Вэнс вручил Бегину адресованное тому письмо в ходе короткой конфиденциальной встречи. Израильский премьер-министр, не выразив удивления и не проявив никаких колебаний, кивнул сразу же, как закончил чтение письма. «Мой ответ — «да», — сказал он. Затем Вэнс и Бегин встретились с членами израильского кабинета. Часы, потраченные на переговоры с ними, были чистым камуфляжем. Бегин продолжал обман и на последовавшей пресс-конференции. Когда его спросили, намечается ли встреча в израильско-египетских верхах, он, не моргнув глазом, ответил: «Такая идея не высказывалась».

Садату на его вилле на берегу моря в Александрии Вэнс прочел письмо Картера вслух, ибо президент Египта предпочитал воспринимать новые идеи не глазами, а ушами. Садат подумал несколько мгновений и потом сказал: «Согласен». О согласии обоих деятелей телеграфировали в Вашингтон, воспользовавшись специальным шифром. Причем в телеграммах содержалось только два слова: «Ответ положителен».

Американо-египетско-израильская встреча открылась 6 сентября 1978 года, в один из последних теплых дней. Когда Садат прибыл на вертолете в Кэмп-Дэвид, деревья уже были тронуты темным золотом осени. Он сдал Картера в объятия и поцеловал руку Розалин Картер. Два ча-

са спустя Бегин заключил Картера в не столь продолжительные и крепкие объятия, но явно превзошел Садата в галантности, поцеловав у Розалин обе руки.

Деликатность была забыта сразу же, как только сели за стол переговоров. На первой встрече Садат надел очки и зачитал пространный документ, который включал прежние требования к Израилю, начиная с возвращения на родину всех палестинских беженцев и выплаты репараций за ущерб, причиненный в ходе арабо-израильских войн, и кончая полным отводом израильских войск к границам 1967 года и возвращением к интернационализации Иерусалима. Картер спросил Бегина, не сможет ли он в ответ сделать какой-нибудь широкий жест, равноценный поездке Садата в Иерусалим. Бегин ответил, что уже сделал это, устроив Садату теплый прием, и больше тому рассчитывать не на что. Это был ушат холодной воды.

После второй трехсторонней встречи Садата и Бегина пришлось развести, и до конца переговоров, продолжавшихся через посредников, они за одним столом уже не встречались. Вскоре египетский президент вообще фактически стал узником Кэмп-Дэвида в своей резиденции Догвуд-Лодж. Сдавая одну позицию за другой, на десятый день Садат не выдержал и заявил, что уезжает домой. Но Картер распорядился, чтобы ему не давали вертолет без его, Картера, письменного разрешения.

Если египтяне находились в глухой обороне, то израильская делегация наступала по всем направлениям. Ее, в частности, не устроил первый проект разработанного американцами документа, в котором говорилось, что приобретение территории военными средствами недопустимо. А ведь эта формулировка была взята из преамбулы резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. По настояниям израильтян это положение было выброшено. Картер согласился и с требованиями Бегина о неограниченном по времени военном присутствии Израиля на Западном берегу реки Иордан.

Израильтяне отказались от своего требования

контроля над четырьмя египетскими аэродромами только после того, как Картер обещал построить им два новых в пустыне Негев.

Бегин прибег к шантажу, заявив, что покинет переговоры, если формулировка, касающаяся Иерусалима, будет создавать впечатление, что арабская часть города оккупирована Израилем, а не является законной частью израильской территории. Чтобы уладить конфликт, Картер появился в дверях резиденции израильского премьера с пачкой фотоснимков, подписанных им и Садатом для внуков Бегина. В течение пяти минут они говорили о своих семьях. Затем Бегин прямо заявил Картеру, что якобы оскорбительная для Израиля (!) формулировка относительно Иерусалима может привести к «полному провалу» переговоров. И президент США пошел на уступки.

Под занавес переговоров Садат потребовал, чтобы хоть где-нибудь в Иерусалиме был поднят арабский флаг. Его просьба была отменена. Последнее слово осталось за Бегиним.

В полдень на 11-й день переговоров Картер направился в резиденцию Садата, где провел всего 15 минут. Этого времени оказалось достаточно, чтобы египетский президент согласился с казавшимися ему ранее неприемлемыми условиями документа, выработанного американцами. Что произошло в эти 15 минут, хранится в глубочайшей тайне. В своих мемуарах Картер пишет, что он якобы уговорил египетского президента «не разрушать его (Садата) репутацию самого выдающегося борца за мир» (!).

Вечером того же дня министр иностранных дел Египта Мухаммед Ибрагим Камель заявил об уходе в отставку в знак протеста против согласия президента Садата с навязанными Египту решениями Кэмп-Дэвида. А вслед за этим разразилась буря протестов во всем арабском мире.

Понадобится еще полгода переговоров, выкручивания рук Каиру и обхаживания Тель-Авива, прежде чем кэмп-дэвидские договоренности будут облечены, наконец, в форму египетско-израильского мирного договора.

И вот 26 марта 1979 года. Белый дом. Торжественная церемония подписания договора. Подписи ставят Садат, Бегин и Картер. Для американского президента это внешнеполитический триумф. Он рассчитывал с его помощью остаться в Белом доме на второй срок. Он не жалеет красок, чтобы как можно ярче описать достигнутый успех.

«Перед нами открывается новая эра — эра, когда, как мы надеемся, насилие больше не будет царить на Ближнем Востоке... — говорил Картер. — Мы молимся за то, чтобы периоду скорби теперь пришел конец, чтобы настало время залечивать раны, время сажать и строить, время смеяться, время плясать, время обнимать друг друга, время любить».

«Эра объятий и любви» с самого начала была насквозь пропитана фальшивым духом. 30 марта в печати появилось письмо премьер-министра АРЕ Мустафы Халиля государственному секретарю США С. Вэнсу. Египетский премьер протестовал против так называемого «меморандума о согласии», подписанного между США и Израилем параллельно с подписанием египетско-израильского мирного договора. Фактически Вашингтон и Тель-Авив вступали в антиегипетский альянс.

«Мы были глубоко разочарованы, обнаружив, что Соединенные Штаты согласились заключить соглашение, которое мы рассматриваем как направленное против Египта, — писал М. Халиль. — Этот меморандум не только не является полезным, но, наоборот, его содержание и цель неблагоприятно отразятся на процессе восстановления мира и стабильности в этом районе земного шара.

Меморандум можно рассматривать как соглашение, которое со временем может перерасти в ссюз между Соединенными Штатами и Израилем, направленный против Египта. Он дает Соединенным Штатам право принимать меры, если называть вещи своими именами, карательные меры... Он позволяет обвинить США в сговоре с Израилем с целью создания таких обстоятельств, которые привели бы к американскому военному присутствию в этом районе, что безусловно было бы

чревато серьезными последствиями, в особенности для стабильности во всем ближневосточном регионе».

Такова оценка первых последствий кэмп-дэвидского сговора, невольно данная самим официальным Каиром. Не удивительно, что эрзац-мир, сработанный по вашингтонскому рецепту, вызвал острое чувство горечи, недовольства и возмущения в Египте и других арабских странах.

Словно издеваясь над Садатом, выступая на вашингтонской церемонии, Бегин процитировал 125-й псалом из Библии: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью».

На какие же плоды рассчитывал Садат? Видимо, главный из них — возвращение Синайского полуострова и расположенных там нефтепромыслов. Надежды возлагались на американскую помощь, на рост доходов от Суэцкого канала, нефти, туризма. Но египетский президент неизбежно становился пленником Вашингтона и Тель-Авива.

Он целиком зависел от их воли даже в тех вопросах, решение которых было оговорено. Нужно было вытягиваться в струнку, чтобы Израиль не обвинил в отходе от Кэмп-Дэвида и не сорвал вывод своих войск с Синая. Но и в этом случае Синайский полуостров, по существу, переходил из израильских рук в американские, а не в египетские. Под флагом «многонациональных сил» Пентагон размещал там свои войска. Лишенный поддержки Советского Союза и арабских стран. Египет превращался в легкую добычу сил империализма и сионизма, а Садату отводилась роль послушного исполнителя их воли.

Может быть, Садат был вознагражден тем, что вместе с Бегиним был удостоен Нобелевской премии мира? Ему была вручена премия и медаль. Но у этой медали сомнительные достоинства. Если одна из ее сторон — соглашательство и сепаратный сговор Каира, то другая — резко возросшая, безудержная агрессивность Тель-Авива,

Оборотная сторона медали

Ливанская трагедия

Одинокая женщина бредет по пустырю, заваленному кучей щебня. За нею следом уныло плетется собака. Груда развалин — вот все, что осталось от маленькой ливанской деревушки Аль-Азийя. Она стерта с лица земли во время одного из налетов израильской авиации. Все, кто уцелел, бежали из этих мест. Только Сафия Али, так зовут эту женщину, не покинула родное пепелище. «Мне некуда идти, да и незачем. У меня никого нет», — говорит она.

Я увидел эту картину на юге Ливана, приехав туда из опаленного войной Бейрута. Страшные следы опустошения встречались на всем пути: разбитые, зияющие черными провалами окон дома, заброшенные поля, неубранные сады. Таким предстал Ливан на пороге 80-х годов. Какой разительный контраст по сравнению с тем, что было прежде!

В свой первый приезд в 1970 году я попал в Бейрут из Каира. После затемненной светомаскировкой столицы Египта залитый огнями Бейрут показался мне по-новогоднему праздничным и карнавальным. В тот год израильская авиация бомбила каирские пригороды, шла «война на истощение», а здесь, в Ливане, казалось, ничто не напоминало ни об израильской агрессии, ни о кризисной ситуации на Ближнем Востоке.

«Ближневосточный Париж», как любили называть ливанскую столицу в арабском мире, веселился. Он был полон туристов. К их услугам было все: прекрасный климат и море, роскошные отели, горы, памятники старины. «Машина услуг», приносившая стране ежегодно полмиллиарда долларов, работала на полную мощь.

На Хамре, центральной фешенебельной улице

города, фланирующая публика по вечерам устраивала парад мод и автомашин.

Да, в тот первый приезд Бейрут представился мне шумным балаганом для туристских развлечений. И только. Как вдруг, точно гром среди ясно-го неба...

В середине дня город вздрогнул от взрывов. Продираясь сквозь толпу зевак и цепи полицейских вместе с Евгением Примаковым, работавшим тогда корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке, добираемся до места происшествия. Им оказалось здание представительства Организации освобождения Палестины (ООП). Его фасад был изуродован. Зияли черные пробоины. Оконные рамы выбиты. Осколки стекла неприятно хрустели под ногами, отдаваясь по нервам зубной болью. Навстречу выносили раненых.

— Что случилось?

Какой-то человек, возбужденный, еще не оправившийся от пережитого, показал рукой на противоположную сторону улицы: «В нас стреляли из того дома. Вон из тех окон на втором этаже».

— Кто?

— Неизвестно.

Выстрелы были сделаны из частной квартиры. Она оказалась запертой. Когда взломали дверь, обнаружили нацеленную в окно портативную установку для запуска ракет...

Испуганная консьержка рассказала, что несколько дней назад квартиру снял турист, предъявивший бельгийский паспорт. Он заплатил за месяц вперед. Утром предупредил, что уезжает на экскурсию. И не вернулся. Как выяснилось, в то же утро «бельгиец» вылетел из Бейрута на Кипр. Там неизвестный пересел на самолет израильской авиакомпании, отправившийся в Тель-Авив.

Так уже тогда, в дни внешнего спокойствия и мира, я стал свидетелем одного из эпизодов жестокой необъявленной войны Тель-Авива против палестинцев и Ливана.

Ливан не участвовал в «шестидневной войне» 1967 года, так же, как и в октябрьской войне 1973 года. Но тонкостенный сосуд нейтрального

ливанского благополучия и спокойствия оказался слишком хрупким и уязвимым на ринге ближневосточной борьбы.

Еще в рождественские дни 1968 года израильтянами было совершено разбойничье нападение на международный бейрутский аэропорт. Высадившаяся израильская десантная группа перекрыла шоссе между аэродромом и городом и заблокировала аэровокзал. Израильтяне сожгли на взлетной полосе больше десятка самолетов. Крупная диверсия в Бейруте была совершена израильскими командос в 1973 году. Под покровом ночи они высадились на побережье, проникли в город и совершили несколько террористических актов. Были убиты некоторые палестинские лидеры и члены их семей.

Отказывая палестинцам в праве на самоопределение и создание собственного государства, Тель-Авив хотел бы по-своему решить палестинский вопрос — путем физического уничтожения палестинцев. Вот почему сыпались удары по Ливану, давшему приют более чем 300 тысячам палестинских беженцев, отрядам Палестинского движения сопротивления (ПДС). Израиль ставил целью не только обескровить ПДС, но и поссорить ливанцев с палестинцами, разжечь вражду между ними. Людей, лишенных по вине Израиля родины и земли, израильская пропаганда представляла как угрозу благополучию Ливана, провоцировалась резня между арабами, разжигалась гражданская война между ливанцами, вспыхнувшая в 1975 году.

Тель-Авив делал все, чтобы не дать ей погаснуть. Для этого использовался не только «палестинский фактор», но и внутривосточные противоречия в Ливане.

Ливан неоднороден. И очень пестр по религиозному составу. Главная линия раздела проходит между христианами и мусульманами.

Принцип религиозного разделения нации положен даже в основу государственного устройства Ливана. Это так называемый конфессионализм. Так, например, три главных поста в государстве

замещаются следующим образом: президент — христианин-маронит, премьер-министр — мусульманин-суннит, председатель парламента — мусульманин-шиит. Парламентские места делятся неравномерно: на пять мусульман приходится шесть христиан, хотя большинство населения страны — мусульмане.

Израильская и американская спецслужбы умело дергали нити противоречий, приводя в движение механизм конфликта. В разгар гражданской войны «рыцари плаща и кинжала» действовали в Бейруте почти без маскировки.

— Зовите меня Лоуренс, Лоуренс Аравийский,— так он представился.

Трудно сказать, чего больше — рисовки или самомнения — было в этой претензии походить на известного английского разведчика, снискавшего себе печальную славу сеятеля интриг и вражды на арабском Востоке.

— Впрочем, в Ливане я известен и как Карим эль-Мараджи,— добавил он.

Усаживаясь за столик в кафе, «Лоуренс» расположился так, словно решил занять наиболее выгодную боевую позицию: спиной к стене, 9-миллиметровый кольт со взведенным курком положил на стол, на расстоянии вытянутой руки, слева к креслу аккуратно приставил автомат.

Устроившись с таким «комфортом» и бросив по сторонам быстрые настороженные взгляды, «Лоуренс» произнес: «Моя профессия — убийца-одиночка».

Они сидели на одной из улочек Бейрута — профессиональный убийца и французский журналист, берущий у него интервью, которое потом мрачной сенсацией разойдется по всему миру. Было пустынно. Гражданская война загнала людей в дома и убежища. Бейрут распался на враждующие районы, был рассечен баррикадами. В городе полыхали пожары. С моря дул ветер, разнося запах гари. Диск солнца тускло просвечивал сквозь дымную мглу, а то вдруг ослепительно вспыхивал в разрывах черных облаков.

Бездействовали предприятия, закрылись банки,

пустовали отели, не работал транспорт. Город постепенно умирал, а военные столкновения все продолжались, то затухая, то вспыхивая с новой силой. Одним из немногих островков жизни было это кафе в подвале на маленькой пустынной улочке.

Лицо говорящего было бесстрастно. Ледяные бледно-голубые глаза не мигая смотрели из-под белесых бровей. Слова медленно процеживались сквозь узкую щель губ, украшенную аккуратно подбритыми усиками. «Работаю в Ливане десятый месяц. На моем счету 218 человек,— продолжал «Лоуренс». — Патронов не трачу зря. Все накладные расходы за мой счет. Хозяева платят сдельно. Для меня каждый патрон — человек. Самый прекрасный день был, когда осталось 13 пустых гильз. Сегодня — только три». Он вытащил из кармана пахнущие порохом отстрелянные гильзы и три паспорта, взятые из карманов убитых.

«Лоуренс» аккуратно убрал эти вещи и предался воспоминаниям. Он был из породы профессиональных наемников, тех, кто «прославился» убийствами в Конго, Анголе, Дофаре. Он прошел Индокитай, Корею и Алжир.

— На чьей же стороне вы воюете здесь? За левых или за фалангистов?

— Я убиваю и тех и других. Важно подливать масло в огонь, чтобы не дать затухнуть междоусобице. В этом смысл моей работы. За это мне платят...

Член руководства ООП Фарук аль-Каддуми подтвердил нам, что агенты ЦРУ и «Моссада» воюют иногда во враждующих группировках в Ливане, выступая в роли провокаторов.

23 декабря 1975 года на тихой улочке столицы Греции Афин был убит некий Ричард Уэлч. Он возглавлял афинскую резидентуру Центрального разведывательного управления США. Смерть руководителя американской шпионской службы в Греции вызвала целый ряд сенсационных разоблачений, касавшихся Ливана.

Выступивший в печати агент ЦРУ Уинслоу Пек сообщил, что Афины использовались как

штаб-квартира для проведения операций ЦРУ на Ближнем Востоке. Пек рассказал, что ему лично было поручено поддерживать пламя гражданской войны в Ливане, оказывая помощь экстремистским группировкам любого толка. В тайной войне против палестинцев и ливанцев США и Израиль действовали рука об руку.

Играя на сепаратистских настроениях, Тель-Авив поддерживал связь с ливанскими правохристианскими кругами. Израильская газета «Давар» открыто писала: «Израиль поставил христианам автоматическое оружие, минометы и танки».

Вооруженные отряды ливанских правых проходили подготовку в самом Израиле. Была создана даже так называемая «южноливанская армия» под руководством израильской марионетки «майора» Хаддада, который провозгласил «независимое» государство на юге Ливана.

Паломничество Садата в Иерусалим развязало руки израильской военщине. Она почувствовала, что ее египетский тыл в безопасности. Садат нанес визит в ноябре 1977 года, а уже в середине марта 1978 года Израиль бросается в новую авантюру.

В ночь на 15 марта танковые и мотопехотные соединения Израиля вторглись на территорию Ливана на всем протяжении ливано-израильской границы. В Ливан было брошено свыше 35 тысяч израильских солдат, или четверть израильской армии. Оккупации подверглась пятая часть территории Ливана вплоть до реки Литани.

Главный удар был нанесен по мирным ливанским городам и населенным пунктам, по лагерям палестинских беженцев. Основной мишенью агрессоров стало мирное население — старики, женщины, дети.

Но интервенция 1978 года была лишь репетицией кровавой агрессии, развязанной Тель-Авивом 6 июня 1982 года. В тот день крупные соединения танков и бронемашин пересекли ливанскую государственную границу и начали продвижение по трем направлениям: на западе — на город Тир, на востоке — на район Шебаа и на юго-востоке — на

город Набатия. Наступление сухопутных израильских войск было поддержано самолетами и вертолетами военно-воздушных сил и кораблями военно-морских сил Израиля. Вторжение интервенционистской группировки сопровождалось высадкой воздушных и морских десантов в различных районах страны.

Вскоре в Ливане была сосредоточена стотысячная армия оккупантов. Туда было брошено 1300 танков, 1300 бронетранспортеров, 13 тысяч автомашин. На ливанском театре боевых действий израильцы сконцентрировали ударную мощь артиллерии, авиации и флота Израиля. Тель-Авив оккупировал почти половину Ливана.

И вновь катализатором ливанской трагедии стал Кэмп-Дэвид. «Если бы мы не могли рассчитывать на это соглашение,— заявил бывший шеф военной разведки Израиля генерал Шломо Газит,— израильская армия не могла бы сконцентрировать на севере столь большие силы и создать такую угрозу на ливано-сирийском фронте». Во время ливанских событий во всей полноте проявились трагические последствия кэмп-дэвидской сделки, раскол в арабском мире.

Агрессия Израиля приняла масштабы новой, пятой по счету за треть века арабо-израильской войны, самой кровопролитной за всю историю этих войн. Десятки тысяч убитых и раненых, сотни тысяч людей, лишенных крова, разрушенные города и деревни, разгромленные лагеря палестинских беженцев — таковы результаты бойни, учиненной израильцами на ливанской земле.

Никогда еще расистский характер международного сионизма, вскормленного американским империализмом, не представлял в таком неприкрытом человеконенавистническом облике, писала «Правда». Не случайно трагедия Ливана возродила в памяти человечества самые мрачные картины прошлого, преступления нацистской Германии. Мир был возмущен, когда увидел, как далеко простирается поддержка Вашингтоном агрессивных планов Тель-Авива, сколь непомерны амби-

ции израильских лидеров, готовых вымостить трупами людей дорогу к осуществлению бредовых идей создания «великого Израиля».

Вопреки расчетам на блицкриг израильская военная машина забуксовала. Несколько недель продолжалась осада Западного Бейрута. Агрессоры столкнулись с упорным и героическим сопротивлением. Бойцы ООП «показали в ходе войны упорство и ум, которые не следует недооценивать, — такие признания сделала израильская газета «Едиот ахронот». — Израильские солдаты, много лет презиравшие федаинов, осознали эту горькую истину на собственном печальном опыте. Юные бойцы ООП, встав во весь рост с гранато-метами в руках, шли на танки, демонстрируя немалую отвагу».

Уничтожая Западный Бейрут, израильская военищина рассчитывала не только растоптать законные права палестинского народа. Она надеялась превратить еще одну арабскую страну — Ливан в свою оккупационную зону, расширить территориальные захваты.

Более двух месяцев продолжалась осада Западного Бейрута, но Тель-Авиву так и не удалось поставить на колени его защитников.

То, чего агрессор не сумел добиться силой, было достигнуто путем вероломства. При активном участии американского дипломата Филипа Хабиба на свет появилось соглашение о разъединении воюющих сторон. Из Бейрута были выведены палестинские отряды. Белый дом официально заверил, что не допустит расправы над палестинцами после ухода их военных формирований.

Однако вопреки этим заверениям израильские войска вторглись в Западный Бейрут, используя как предлог убийство только что избранного президента Ливана. Кровавая оргия разыгралась в оккупированных ими лагерях палестинских беженцев — Шатила и Сабра. В четверг 16 сентября 1982 года там началась массовая резня. Палачи не щадили никого: ни женщин, ни детей, ни стариков. Вырезались целые семьи. Тысячи людей стали жертвами чудовищной расправы.

Мир был потрясен этими злодеяниями.

Оккупировав Ливан и окопавшись там при пособничестве США, Тель-Авив сосредоточил свои войска в долине Бекаа, на сирийском направлении. Угрожая войной Сирии, Израиль с помощью Вашингтона навязал Ливану сепаратное «мирное» соглашение.

Вооружившись Библией

Сделка с Садатом подтолкнула Бегина на еще один провокационный шаг. 30 июля 1980 года израильский кнессет одобрил закон, провозглашающий Иерусалим «единой и неделимой» столицей Израиля. Началась открытая аннексия захваченных в 1967 году арабских территорий.

Но вопрос об Иерусалиме — не просто территориальный вопрос. Этот город — исторический центр зарождения трех религий: христианства, иудаизма, ислама. Там находятся «святые места» каждой из них.

Ради освобождения «гроба господня» в Иерусалиме устраивались крестовые походы.

«Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя,— молятся евреи.— Прилипни язык мой к гортани моей, если я не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалим во главе веселия моего».

Им вторят арабы: «О Иерусалим, избранный аллахом из всех земель! Там находятся лишь самые избранные из его слуг. Роса, выпадающая на Иерусалим,— лекарство от всех болезней, ибо она из садов рая».

Много войн и трагедий пережил древний город. Стремясь положить конец чьим-либо односторонним притязаниям на Иерусалим, Генеральная Ассамблея ООН в своем решении от 29 ноября 1947 года определила, что он должен стать самостоятельной административной единицей под управлением ООН. Однако в результате войны 1948—1949 годов город оказался поделенным на две части — израильскую (западную) и арабскую

(восточную). В 1967 году Тель-Авив оккупировал восточный Иерусалим, а решением 1980 года попытался узаконить оккупацию. Был брошен вызов всему арабскому миру. Что касается арабского населения самого Иерусалима, то более ста тысяч человек, проживающих там, становились теперь «вечными пленниками» Тель-Авива.

Выступая в кнессете при обсуждении закона, депутат Ури Авнери заметил: «Слишком много здесь говорят о любви к Иерусалиму, для того чтобы можно было поверить в ее искренность. Парламент позволил околдовать себя законопроектом националистских правых сил... Неужели вы не понимаете, что этот закон — объявление войны исламу?»

Еще один элемент сделки с Садатом сыграл на руку израильским экспансионистам. В течение многих лет они не могли облечь в удобоваримую форму продолжающуюся оккупацию Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Осуществлялась политика «освоения» оккупированных территорий. Ее методы были различны.

Коренных арабских жителей просто сгоняли с их земель, бросали в тюрьмы, уничтожали их дома по малейшему обвинению в связях с движением сопротивления. Так было постоянно. Но после кэмп-дэвидского сговора, казалось, уже ничто не смущало карателей. Вот свидетельство французского журналиста Алена Луйо, написавшего репортаж для журнала «Пуэн»: «Никогда раньше репрессии израильских властей не были столь жестокими.

Мириам Абу Эйта, одна из жительниц Бейт Саура, показывает мне маленькую палатку и несколько покрывал, брошенных на землю, которые составляют сегодня ее жилище и имущество. В нескольких **местрах** от этого ненадежного полотняного убежища едва возвышается над землей бесформенная груда бетонных обломков и искореженного железа. Это все, что осталось от построенного ее мужем-каменщиком трехэтажного дома, взорванного израильцами в ходе карательной акции.

Закутанный в пальто, надетое поверх галабии, греясь у маленького походного костра, разведенного вблизи развалин своего дома, Жорж Микаэль Кумсиех, другой житель Бейт Саура, клянется в правдивости своего рассказа: «Мой сын Валид, который сейчас находится в тюрьме в Иерусалиме, невиновен. Он просто оказался поблизости, когда другой ребенок бросил камень в автобус, в котором, кстати, никто не был ранен». И он повторяет мне это много-много раз».

Есть и другой метод «выкуривания» арабов. Это — запланированный застой, создание все более трудных условий жизни, чтобы вынудить людей покинуть свои земли. С 1967 года около 200 тысяч арабов уехало с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа. В последние годы ежегодный уровень эмиграции составлял от 10 до 20 тысяч человек.

Оккупанты держат за горло палестинцев, распоряжаясь водой, а это вопрос жизни и смерти. За годы оккупации арабами не было пробурено ни одной скважины, поскольку израильская военная администрация не дает на это разрешения. В 1978 году 16 тысяч израильских поселенцев потребляли более 14 миллионов кубометров воды в год, почти половину того, что приходилось на долю 690 тысяч арабских жителей.

К моменту заключения кэмп-дэвидских соглашений «освоение» зашло уже так далеко, что 40 процентов обрабатываемых земель на Западном берегу реки Иордан оказалось в руках израильтян. Оккупированная территория фактически превратилась в израильскую колонию, в поставщика рабочей силы. Более семидесяти тысяч палестинцев пересекает ежедневно туда и обратно ее границы, отправляясь на работу в Израиль. К этому следует добавить от 10 до 25 тысяч рабочих, которые не были наняты через бюро по трудоустройству и, следовательно, не учитываются в статистических данных. Это чаще всего подростки, нанимаемые в обход законодательства.

Оккупированные территории стали вторым по значению рынком сбыта для Израиля после США,

опережая даже Федеративную Республику Германии.

Оставалось прикрыть колониальный статус фиговым листком. Вот почему кэмп-дэвидские переговоры о так называемой палестинской автономии пришлось по душе Бегину. Во-первых, они велись с Каиром, а не с палестинцами, то есть открывали простор для закулисных сделок. Во-вторых, речь не шла о самоопределении. Да и формула «автономии» напоминала чемодан с двойным дном. Израильтяне всячески подчеркивают, что «автономия» распространяется на население, а не на территорию. Максимум, что может быть предоставлено палестинцам в ее рамках,— это муниципальное самоуправление.

Что касается территории, то о ней, мол, и не следует заикаться: Израиль должен сохранить за собой контроль над землей, водой, поселениями, радио, телевидением, а также иметь право утверждать кандидатуры палестинцев в органы самоуправления. «Мы никогда не допустим создания палестинского государства,— бесцеремонно заявил израильский премьер-министр М. Бегин.— Безусловно, мы сможем сделать это. На основе кэмп-дэвидских соглашений и с одобрения Соединенных Штатов и Египта израильская армия останется в Иудее, Самарии и Газе. Если административный совет, который будет создан на Западном берегу и в секторе Газы, провозгласит палестинское государство, то мы арестуем его членов и восстановим военное правление».

Библейские термины «Самария» и «Иудея» израильские политики применяют к Западному берегу реки Иордан. Вооружившись Библией, они хотели бы перекроить всю карту Ближнего Востока, добиваясь создания «великого Израиля», «земли обетованной» для «избранного народа». Эти гипертрофированные сионистские притязания вызывают иронию у самих израильтян.

Хочу процитировать сатирическую сценку «Обещания», опубликованную в журнале «Гаолам Газе»:

«Народ-избранник: Я пришел получить то, что ты обещал мне.

Бог: Я обещал? Кому?

Н.: Мне. Ты обещал мне землю.

Б.: Кто ты такой?

Н.: Народ-избранник.

Б.: Кто избрал тебя?

Н.: Ты.

Б.: Я не помню.

Н.: Я все это записал. Ты дал это моему отцу.

Б.: Что записал?

Н.: Что эта земля принадлежит ему от реки до пустыни.

Б.: Но кто, черт возьми, твой отец?

Н.: Авраам. Жил четыре тысячи лет назад.

Б.: Какого же дьявола ты хочешь сейчас?

Н.: Землю. Обещанную землю. Она — моя.

Б.: А люди живут на ней?

Н.: Нет. Только несколько арабов. Первобытных.

Б.: Тогда давай! Но зачем ты пришел ко мне?

Н.: А я уже забрал землю.

Б.: Тогда что?

Н.: А я забрал немного больше.

Б.: Что же ты хочешь сейчас?

Н.: Твоей моральной поддержки.

Б.: Я не глава полиции нравов.

Н.: Но мы назначаем тебя на эту работу. От тебя требуется немного. Сиди спокойно и не вмешивайся в наши дела».

Политика расовой дискриминации осуществляется и в отношении арабов — граждан самого Израиля. Культивируется расовое превосходство, нетерпимое отношение к арабам, их национальной культуре, религии, обычаям. «И хотя государство декларирует, что меньшинство имеет полное равенство в социальных и политических правах, — свидетельствует американский журнал «Ньюсуик», — немногие скажут, что это обещание выполнено. В политическом и культурном отношении израильские арабы остаются гражданами второго сорта».

Еще одна жертва

«Внимание! Говорит Багдад,— голос иракского диктора был взволнованным.— Вчера в 18 часов 37 минут израильские самолеты совершили налет на нашу столицу. Мы не объявляли об этом до тех пор, пока не получили всех сведений. Удар был нанесен по ядерному реактору...»

Это сообщение, переданное 9 июня 1981 года, шокировало весь мир. Как сенсация передавались подробности налета.

В нападении участвовали 8 самолетов F-16, которые произвели бомбардировку, и 6 самолетов G-15, обеспечивающие прикрытие.

Вся операция была тщательно подготовлена. В течение нескольких дней, предшествовавших налету, израильские самолеты совершали учебные полеты, и было сделано так, чтобы сам налет выглядел как обычный учебный полет.

Самолеты, которые должны были нанести удар, дозаправились топливом вскоре после того, как поднялись в воздух. Затем они пролетели на большой высоте над территорией Иордании, используя иорданскую тактику и иорданские позывные сигналы, чтобы выглядеть как иорданские самолеты, совершающие учебный полет. Даже переговоры велись на арабском языке.

Затем самолеты пролетели над северным углом Саудовской Аравии и вступили в воздушное пространство Ирака, снизившись до высоты в несколько сот футов, чтобы уклониться от иракских радиолокаторов.

Приближаясь к цели, самолеты F-16 поднялись вверх для прицеливания. В то же время прикрывающие их самолеты F-15 заняли позиции между целью и ближайшей иракской авиационной базой. Кроме того, самолеты включили свои передатчики радиолокационных помех. F-16 сбросили бомбы весом в 2000 фунтов.

Остается загадкой, почему израильский налет не был зафиксирован американскими самолетами с системами раннего предупреждения АВАКС, которые находились в Саудовской Аравии. Даже

представитель Пентагона Г. Катто был вынужден признать, что по каким-то причинам самолет с радарным оборудованием на борту, совершавший в тот момент патрулирование, направил свои датчики в сторону Ирана через Персидский залив, а не в северном направлении, где как раз и летели израильские самолеты. На экране радиолокатора патрульного самолета «не было ни единого отраженного импульса».

Чем же была потрясена мировая общественность? Да тем, что израильская акция была совершена на фоне кэмп-дэвидских славословий о мире и объятий с Садатом. Тем, что если до сих пор Тель-Авив терроризировал своих непосредственных соседей, то теперь ни одно арабское государство не могло чувствовать себя защищенным. Радиус агрессивных действий резко увеличился. И еще одно: удар по Ираку был нанесен под предлогом предотвращения создания ядерного оружия в этой стране. (В 1979 году израильская разведка проделала то же самое, но тайком. Во Франции был взорван реактор, построенный французами для Ирака.) В то же самое время, по сообщениям западной печати, Тель-Авив уже наладил производство ядерного оружия. Но об этой тщательно маскируемой тайне Израиля стоит рассказать подробнее.

Тайны пустыни Негев

22 сентября 1979 года американский спутник-разведчик «Вела» зарегистрировал в южной части Атлантического океана яркую вспышку света. По мнению специалистов, это мог быть ядерный взрыв. Но кто там его произвел?

Власти ЮАР энергично отрицали свое участие в ядерных экспериментах. Занимавшиеся расследованием таинственной вспышки американские специалисты постепенно затихли, заявив, что, быть может, аппаратура «Велы» и ошиблась.

Но через пять месяцев появилось сенсационное разоблачение. Американская телевизионная ком-

пания Си-би-эс сообщила, что у берегов ЮАР был произведен действительно ядерный взрыв и его соучастник — Израиль. По словам Си-би-эс, сведения о взрыве бомбы были получены из «информированных источников» Тель-Авива. Указывалось, что этот экспериментальный взрыв был проведен израильскими специалистами с помощью и при сотрудничестве с ЮАР. Чтобы передать это сообщение, обойдя цензурные рогатки, корреспондент Си-би-эс Ден Равив летал в Рим. Но по возвращении в Тель-Авив он был тут же лишен аккредитации.

Вспышка у мыса Доброй Надежды вновь осветила опасные ядерные планы, которые уже давно осуществляются Тель-Авивом.

...Ливийский самолет летел из Бенгази в Каир. Пассажиры спокойно дремали. В нервном напряжении находились только французские летчики, работавшие по контракту в ливийской авиакомпании. Песчаная буря-хамсин прикрыла землю непроницаемой завесой. В условиях нулевой видимости внезапно отказали навигационные приборы. Самолет потерял ориентацию. Как нить спасения оставалась лишь радиосвязь с каирским аэропортом. Она поддерживалась и в тот момент, когда заблудившийся авиалайнер подвергся атаке израильских истребителей и был сбит над Синайским полуостровом.

Погибло более ста человек — граждан различных стран: Ливии и Сирии, Египта и Иордании, Ливана и Судана, ФРГ и Франции. Среди них было 14 женщин и 17 детей.

Вскоре нас, иностранных журналистов, работавших в Каире, пригласили на пресс-конференцию. Представитель министерства гражданской авиации Египта был немногословен. Он предъявил магнитофонную запись радиосвязи, поддерживавшейся с самолетом.

Последние сообщения пилота. Самолет находится в 25 милях от Каира. Через несколько минут летчик докладывает, что опустился на высоту 4 тысячи футов, но потерял ориентацию и просит сообщить его координаты. Каирский аэропорт дает

необходимую информацию и получает подтверждение. Немного спустя пилот сообщил о появлении четырех истребителей. И вот звучат последние слова: «Каиру — от 114-го... Мы обстреляны истребителем. Мы обстреляны истребителем... Мы обстреляны истребителем...» На этом связь обрывается.

На следующий день нас, большую группу представителей печати, везут в Исмаилию. Пасмурно. Накрапывает дождь. Полуразрушенный, вымерший город, находящийся на линии огня на Суэцком канале, встречает угрюмой кладбищенской тишиной. Вероятно, это впечатление усиливается ожиданием предстоящей церемонии: при посредничестве международного Красного Креста израильские военные власти передадут египетской стороне останки погибших пассажиров ливийского самолета. Приближается длинная кавалькада машин. Один за другим разгружают грубо сколоченные ящики. На некоторых из них фамилии тех, кого удалось опознать. Есть и знакомые. Министр иностранных дел Ливии, диктор каирского телевидения...

Почему же столь хладнокровно и расчетливо был уничтожен мирный самолет? Ведь он не представлял никакой военной опасности. Не нарушил воздушное пространство самого Израиля, ведь он находился лишь над Синайским полуостровом, оккупированной египетской территорией.

Израильская пропаганда выдвинула две версии. Первая: капитан авиалайнера якобы отказался подчиниться требованиям израильских властей. Вторая: на борту самолета находились палестинские «террористы». Обе фальшивки были медленно разоблачены.

Чудом уцелевший стюард француз Жан Пьер Бордиа заявил: «Мы не получали никакого предупреждения. Наш самолет летел на малой высоте, когда мы увидели два реактивных израильских истребителя и вспышки. Две ракеты попали в хвостовую часть самолета. Мы начали падать».

В Тель-Авиве под давлением международного общественного мнения были вынуждены предъ-

явить магнитофонные записи разговоров в ходе полета, регистрировавшихся на борту самого самолета. Они полностью подтвердили, что самолет потерял курс и не пытался скрыться. Он был сбит без предупреждения.

Д. Элазар, в то время начальник генерального штаба израильской армии, признал, что именно он отдал приказ об уничтожении самолета. Он пытался оправдать свои действия тем, что у него было слишком мало времени для размышлений. Министр обороны Израиля М. Даян утверждал, что решение было принято военными и кабинет министров Израиля не был поставлен в известность.

Это случилось в феврале 1973 года, и тогда я не придавал особого значения туману таинственности и недоговоренности, который сквозил в заявлениях Элазара и Даяна. Они казались лишь неуклюжими отговорками. Действительно, что иное могла означать фраза Элазара о том, что «у него было слишком мало времени для размышлений»? Почему Даян и военные решили даже не запрашивать мнения израильского кабинета?

Несколько лет спустя, натолкнувшись на одно из сообщений в американском журнале «Тайм», я увидел события тех дней в новом свете. Журнал писал, что заблудившийся ливийский самолет по ошибке направлялся в запретную зону Израиля и держал курс на атомный центр, расположенный в Димоне, в пустыне Негев. И поэтому авиалайнер был обречен. Никто, ни один свидетель, даже случайный, не должен был проникнуть в тайник ядерных секретов Тель-Авива. Вот почему Элазар и Даян отдали приказ стрелять, не размышляя и не ставя в известность правительство.

Проект создания ядерной бомбы, свидетельствует журнал «Тайм», существовал уже на начальной стадии возникновения Израиля. Первый президент Хаим Вейцман, который был химиком, поощрял ученых-атомщиков. Израильские ученые добыли низкосортный уран из фосфатов в пустыне Негев и разработали эффективный технологический процесс производства тяжелой воды.

В 1953 году Израиль в обмен на эти данные получил доступ к ядерной программе Франции и к ее атомным испытаниям в Сахаре. Через четыре года Франция предоставила Израилю ядерный реактор, а позднее помогла в создании первого израильского научно-исследовательского центра атомной энергии в Димоне. Его в целях конспирации назвали «текстильной фабрикой».

Атомный реактор в Димоне начал действовать в 1964 году. Тем временем в правящих кругах Израиля обсуждался вопрос о строительстве завода по разделению изотопов для производства расщепляющегося вещества, необходимого для атомной бомбы. Бен-Гурион и Шимон Перес, который тогда был заместителем министра обороны, поддерживали этот проект. Другие, в том числе Голда Меир и Игал Аллон, на первых порах были против. Против был также и преемник Бен-Гуриона на посту премьер-министра Леви Эшкол. Однако Даян после «шестидневной войны» 1967 года тайно отдал приказ о постройке такого завода. Когда Эшкол и его советники узнали об этом, они сочли за благо одобрить проект, осуществление которого уже началось.

Некоторые западные специалисты полагают, что Израиль в 1963 году провел подземные ядерные испытания в пустыне Негев и что вскоре после этого началась подготовка ядерных материалов для атомных бомб.

Сверхсекретные приготовления потребовали чрезвычайных защитных мер. Всем самолетам, в том числе израильским, было запрещено летать над районами, где расположены ядерные установки. Во время «шестидневной войны» 1967 года, писал журнал «Тайм», один израильский самолет типа «Мираж-3» случайно оказался над Димоной и тут же был сбит ракетой класса «земля — воздух». Электронно-ракетный занавес наглухо закрывает все, что делается в районе Димоны.

Летом 1973 года в небольшом живописном норвежском городке Лиллехаммере из кинотеатра возвращались мужчина и женщина. Когда они приблизились к своему дому, навстречу выехала

белая автомашина. Из нее выскочили двое и в упор расстреляли мужчину из автоматов.

Эта операция была осуществлена группой агентов израильской разведки «Моссад». Они охотились за Али Хасаном Саламе, которого считали одним из лидеров экстремистской палестинской организации «Черный сентябрь». Но по ошибке был убит ни в чем не повинный официант-марроканец Ахмед Бухики.

Норвежской полиции удалось арестовать участников преступления. Одним из них был Дан Эрбель. Он сказал все, что знал об операциях «Моссада» в Европе. Во время одного из допросов Эрбель сообщил норвежскому следователю: «Я имел дело с «Шеерсберг-А». — «Ну и что?» — спросил тот. «Это судно везло уран в Израиль», — ответил Дан.

Норвежский следователь не обратил тогда особого внимания на это заявление. Между тем это была ниточка к одной из серьезнейших операций израильской разведки — похищению урана.

Операция «Плумбат»

17 ноября 1968 года из голландского порта Антверпен вышло судно «Шеерсберг-А» с 200 тоннами окиси урана на борту, предназначенными для фирмы САЙКА в Милане. Портом его назначения была объявлена Генуя. Но судно туда не прибыло.

В этой умышленно и тщательно запутанной истории действует немало подставных лиц. Одно из них — западногерманский промышленник и бизнесмен Герберт Шульцен. Вместе с Гербертом Шарфом он возглавлял небольшую компанию «Асмаракеми», которая в начале 60-х годов стала поставщиком военных баз США в ФРГ и уже в 1964 году имела широкий круг связей в промышленных и военных кругах. Кроме того, она была исключительно мобильной. Именно это заинтересовало израильскую разведку, установившую связи с Шульценом во время его поездки на отдых в Израиль.

Вскоре после этого «Асмара» стала получать

заказы от израильских компаний. Частью прямые, а иногда через третьих лиц. Это был вполне легальный бизнес. После июньской войны 1967 года отношения компании с Израилем приобрели чисто военную направленность. «Асмара» снабдила израильскую армию 300 комплектами по дегазации. Затем она попыталась достать Израилю новейшее оборудование для аэрофотосъемок. Но самой крупной стала их сделка по приобретению урана.

В марте 1968 года в главное управление компании «Сосьете женераль де минер» (СЖМ) в Брюсселе поступил заказ на 200 тонн окиси урана. Заказчик — некая «Асмара» — был для СЖМ «темной лошадкой», а сделка сулила несколько миллионов долларов. Поэтому заместитель руководителя отдела урана компании СЖМ Денис Девез стал наводить справки. Ответ относительно платежеспособности «Асмары» был успокоительным. Необходимые для оплаты покупки средства уже были вложены в цюрихский банк, который подтвердил это.

«Готовы принять заказ, — телеграфировала СЖМ «Асмаре». — Мотивируйте необходимость использования урана». (Все сделки с ураном в рамках «Общего рынка» контролируются «Евратомом», и для получения соответствующего разрешения требовалось обоснование.)

«Асмара» тотчас же ответила: «Уран необходим в качестве катализатора при обработке нефтепродуктов, которую мы начинаем. Полученная от вас окись урана будет подвергнута первоначальной обработке компанией «Кимагар оф Касабланка» в Марокко».

Марокканская связь, по замыслу израильской разведки, должна была сыграть отвлекающую роль. Если бы начались поиски пропавшего урана, подозрение пало бы на арабов.

Однако правила «Евратома» для вывоза урана за пределы стран «Общего рынка» были особенно жесткими, и СЖМ телеграфировала «Асмаре»: «Добиться разрешения на вывоз урана в Касабланку будет нелегко, необходимо время».

Ответ «Асмары»: «Мы найдем другую компа-

нию в рамках ЕЭС. Давайте завершать переговоры». В очередной телеграмме Девез сообщил Шульцену: «Выезжаю в Висбаден для дополнительных уточнений, встречайте».

Это был неприятный момент. До сих пор переговоры велись заочно, и предстоящая встреча не сулила Шульцену и тем, кто стоял за его спиной, ничего хорошего. Маленький дворик и тесная конторка «Асмары» могли вызвать подозрения поставщика относительно солидности заказчика. Ведь такой крошечной компании не под силу даже принять 200 тонн урана, не говоря уже о его использовании.

Но Шульцен нашел выход. Он пригласил Девеза не в контору, а к себе домой. Его вилла с плавательным бассейном, расположенная в десяти километрах от Висбадена среди живописных холмов, покрытых ельником, могла произвести впечатление. Встреча прошла гладко.

Когда дело дошло до препятствия в виде марокканской компании, Шульцен объявил представителю СЖМ, что он нашел другого исполнителя для первоначальной обработки урана, в рамках «Общего рынка» — в Италии. Не испытывая особого интереса к выяснению подноготной «Асмары», СЖМ не проявила интереса и к ее новому итальянскому партнеру.

Этим партнером оказалась миланская фирма «Сочета итальяна пер колори эд аффини» (САИКА). Шульцен избрал ее в силу личной дружбы с владельцем, Франческо Серторио. САИКА продавала краски для текстильной промышленности. Когда в 1968 году Шульцен приехал в Милан со своим предложением, компания была на мели, и Серторио согласился стать подставным лицом.

В это же время, а точнее 19 августа 1968 года швейцарский адвокат Герд Ланц получил срочный заказ создать корпорацию для морских перевозок под либерийским флагом. Спустя сутки она уже была зарегистрирована под названием «Бискайн трэйдерс шипинг корпорейшн». В либерийском официальном протоколе появилось имя президента новой компании: Бурхам М. Ярисаль.

Свою карьеру Ярисаль начал в Эфиопии после второй мировой войны. В то время эта страна была свалкой оружия. И он начал его продажу. Затем Ярисаль перебирается в Каир, находившийся под властью короля Фарука. В тридцать лет он становится международным маклером, занимаясь самыми рискованными операциями по торговле оружием.

В конце сентября 1968 года Ярисаль, теперь уже президент паровой корпорации, у которой пока не было ничего, кроме названия, позвонил в Гамбург своему знакомому судовому маклеру. Он попросил его найти для новой «либерийской» компании грузовое судно водоизмещением около двух с половиной тысяч тонн. Через три недели был найден корабль «Шеерсберг» водоизмещением 2620 тонн. Так через пять недель после своего создания грузовая компания «Бискайн трэйдерс» была обладательницей первого и единственного транспортного средства.

Бывшие хозяева «Шеерсберга» — гамбургская паровая компания — были удивлены, когда Ярисаль разогнал хорошую и подготовленную команду судна и набрал сборный экипаж с других судов. Через некоторое время появился и капитан. Это был уроженец Кардиффа Питер Бэроу.

9 октября «Шеерсберг-А», с этим несколько измененным названием и украшенный либерийским флагом, отплыл с грузом из Эмдена в Неаполь. Этот рейс был лишь генеральной репетицией главного.

Между тем окончательно решалась судьба основной сделки. «Евратом» не стал детально проверять «Асмару», и она могла получать закупленный ею товар.

«Шеерсберг-А», закончив пробное плавание, возвратился в Роттердам, где капитан Бэроу собрал команду и объявил, что все уволены. Он сообщил, что Ярисаль продал судно и новые владельцы хотели бы иметь свою команду и своего капитана. Когда 15 ноября судно направилось в Антверпен на загрузку урана, новая команда была укомплектована только наполовину, но в отличие

от прошлого разношерстного состава отличалась военной выправкой. Что касается капитана, то им оказался тот же Питер Бэроу.

В воскресенье 17 ноября 1968 года вскоре после полуночи груженный «Шеерсберг-А» покинул Антверпен, взяв курс к берегам Италии. На его борту было 560 бочек с надписью «плумбат» — соль ангидрида свинцовой кислоты, требующая особой осторожности в обращении. Но до Генуи, обозначенной в качестве порта назначения, судно не дошло. В пути оно пропало и нашлось лишь 2 декабря у причала турецкого порта Искендерон. На нем не было ни груза, ни команды. Последние страницы судового журнала были вырваны.

Только спустя шесть месяцев в «Евратоме» подняли тревогу и начали расследовать пропажу урана. До этого все ждали официального подтверждения от САИКИ из Милана о получении груза. Полагали, что уведомление задержалось по вине почты. В конце концов запросили Шульцена. Тот вежливо ответил, что «Асмара» приобрела груз не для себя, а «по поручению клиента, назвать которого не позволяет коммерческая тайна. Клиент сначала хотел отправить его компании САИКА, но затем передумал». С этого момента «Асмара» умывала руки.

В Европейском экономическом сообществе решили замять дело. Нужно беречь честь мундира. В противном случае, заявил один из чиновников, «наши правила безопасности были бы выставлены в смешном свете». И дело замяли весьма успешно.

С разоблачениями выступил Энрико Яккиа, который в 1973 году был начальником отдела гарантий и инспекции ЕЭС и лично занимался поисками пропавшего урана. Он указал на недостаточность проведенного расследования.

По его словам, он обращался за помощью и к Центральному разведывательному управлению США, но оно так и не сообщило «Общему рынку» об окончательных результатах.

О пропаже урановой руды был информирован и генеральный инспектор Комиссии США по атом-

ной энергии генерал Дельмар Краусон. Однако, по словам Яккиа, всеми средствами «осуществлялась попытка замазать эту пропажу». Между тем, по подсчетам специалистов, из 200 тонн пропавшей руды можно изготовить 60 атомных бомб такой мощности, как бомба, сброшенная на Хиросиму.

Серия краж

Охота за ураном велась Израилем в широких масштабах, и не только в Европе. Американский журнал «Роллинг стоун» провел расследование в США и предал гласности многие ранее скрывавшиеся факты. Оказывается, еще в 1965 году во время очередной инвентаризации инспекторы правительства Соединенных Штатов обнаружили, что на ядерном заводе в Пенсильвании не хватает обогащенного урана в количестве, достаточном для производства нескольких атомных бомб.

Завод принадлежал корпорации «Ньюклиер матириелс энд экуипмент» («Ньюмек»). Пост президента занимал там Залман Шапиро, известный своими тесными связями с Израилем. Он принимал участие в нескольких сделках с израильянами и через «Ньюмек» выполнял роль коммивояжера израильского министерства обороны. Кроме того, он создал фирму на равных паях с израильским правительством для производства инсектицидов.

Шапиро был подвергнут допросу. «Что это за мыши завелись на ваших ядерных складах?» — спросили его. «Не мыши, а могильщики», — отшутился Шапиро, заявив, что недостающий материал по ошибке якобы «похоронен» в шахтах для хранения радиоактивных отходов.

Хозяин «Ньюмек» противился выполнению требований извлечь и замерить отходы. Когда же это все-таки было сделано, больше чем 16 фунтов ядерного сырья в отходах найти не удалось. Комиссия по атомной энергии еще раз просмотрела инвентаризационные записи «Ньюмек» и выясни-

ла, что по состоянию на 31 декабря 1965 года бесследно исчезло 382 фунта урана.

Джеймс Ловетт, сотрудник Комиссии по атомной энергии, которому было поручено возглавить новое расследование, неожиданно подал в отставку и принял предложение Шапиро занять весьма выгодное место в его компании.

Но расследование продолжалось. К началу 1967 года Комиссия по атомной энергии провела новую инвентаризацию на заводе и обнаружила, что бесследно исчезло еще 190 фунтов урана, или в общей сложности 572 фунта. Утверждалось, что 366 из 572 фунтов было потеряно «в процессе нормальной работы». В частности, 127 фунтов жидкого урана будто бы вытекло в воды реки Киски, на берегу которой находится завод. Высмеивая эти утверждения, сотрудник объединенной комиссии конгресса Джордж Мэрфи, проводивший расследование, заявил, что это могло произойти лишь в том случае, если бы завод «непрерывно работал круглые сутки со времени войны за независимость». «Уран от «Ньюмек», — пишет журнал «Роллинг стоун», — уходил в Израиль, несмотря на пристальное внимание американских властей».

В апреле 1967 года дело Шапиро было закрыто. Он уплатил Комиссии по атомной энергии штраф за пропавший уран в размере 1,1 миллиона долларов, продал свой завод компании «Атлантик ричфилд» и перешел на работу в корпорацию «Вестингауз».

Кто-то явно пресекал все попытки проникнуть в тайны «Ньюмек». Сотрудники следственной службы американской администрации, которые пытались распутать эту историю, считают, что усилия правительственных чиновников замаять дело Шапиро предпринимались по указанию президента Джонсона.

Это подтвердил и бывший заместитель директора ЦРУ по науке и технике Карл Даккет. Он рассказал, что ЦРУ начало собственное расследование и пришло к убеждению, что «Ньюмек» оказывает помощь израильтянам в контрабандном получении ядерных материалов.

По версии Даккета, ЦРУ познакомило с этой информацией Белый дом. Ричард Хелмс, занимавший в то время пост директора ЦРУ, получил аудиенцию у Джонсона и потом сообщил, что президент хочет, чтобы это дело прикрыли. Подозревают, что ЦРУ было также заинтересовано в таком исходе, чтобы скрыть собственную причастность к оказанию Израилю помощи в ядерной области в прежние годы.

В 1976 году Шапиро вновь стал объектом расследования. Теперь уже ФБР. Его обвиняли в шпионаже. Но и на этот раз министерство юстиции США не привлекло его к ответственности.

По свидетельству журнала «Роллинг стоун», ссылающегося на американские разведывательные круги, в рамках «Моссад» в 1967—1968 годах действовала группа специального назначения, совершавшая и открытые вооруженные налеты на ядерные объекты в ряде западных стран. Во Франции израильские похитители напали на 25-тонный грузовик с ураном и тайно вывезли его в Израиль. Специальная группа «Моссад» повторила эту операцию в Англии.

«Таинственные исчезновения» урана продолжают. В сентябре 1979 года пропало 9 килограммов обогащенного урана с завода по производству ядерного топлива в американском городе Эрвине (штат Теннесси). Продукция завода, принадлежащего одному из филиалов нефтяной корпорации «Гетти ойл», предназначена для атомных подводных лодок и может быть использована для создания атомной бомбы.

Ядерный «ящик Пандоры»

Не может не тревожить вопрос о том, что делают в Израиле с похищенным ураном. Версий на этот счет существует немало. В меморандуме ЦРУ от 4 сентября 1974 года говорится: «Мы полагаем, что Израиль уже произвел ядерное оружие». ЦРУ отмечает, что это его мнение «основано на приобретении Израилем большого количества

ва урана, частично тайным путем, и на неясном характере усилий Израиля в области обогащения урана, на больших капиталовложениях Израиля в дорогостоящую ракетную систему, приспособленную для несения ядерных боеголовок».

С наиболее сенсационными сообщениями выступил американский журнал «Тайм». По его словам, в начале октябрьской войны 1973 года 13 уже изготовленных бомб Израиля были поспешно собраны в тайном подземном туннеле. Тогда израильские войска на Голанских высотах отступали под напором сирийских танков. 8 октября в 10 часов вечера израильский командующий северным фронтом генерал-майор Ицхак Хофи заявил своему начальству: «Я не уверен, что мы сможем долго продержаться». После полуночи министр обороны Моше Даян предупредил премьер-министра Голду Меир: «Это конец Израиля». Поэтому Голда Меир, пишет «Тайм», разрешила Даяну применить «израильское оружие Судного дня». Бомбы собрали и доставили к самолетам. Но самолеты не взлетели. 13 бомб были направлены в арсеналы в пустыне Негев. Там они остаются и по сей день, готовые к применению.

Журнал «Тайм» полагает, что Соединенные Штаты узнали об этих бомбах в результате разведывательного полета своего шпионского самолета над Ближним Востоком.

В Тель-Авиве отрицают причастность Израиля к хищениям урана, но не подтверждают и не отвергают факт создания атомного оружия. Такие недомолвки уже сами по себе являются шантажом арабских государств. Кроме того, израильские лидеры и их пропаганда явно пытаются приучить мировое общественное мнение к мысли о возможности существования у Тель-Авива собственного ядерного арсенала. Так, в интервью парижской газете «Котидьен де Пари» М. Даян заявил: «Мы должны с полным сознанием дела подготовиться к трагедии, которая может вынудить нас подумать о применении атомного оружия». «Мы не должны отказываться от возможностей, связанных с обладанием ядерным оружием, и от

угрозы использовать его против арабов в любой новой войне на Ближнем Востоке», — повторил он позже.

В Тель-Авиве стремятся подвести и «теоретическую базу» под производство атомного оружия. Один из специальных выпусков бюллетеня, издаваемого Центром по контролю над вооружениями и международной безопасности при Калифорнийском университете, был посвящен ядерному выбору Израиля. Он подготовлен сотрудником Иерусалимского университета Ш. Аронсоном, анализирующим несколько возможных вариантов ядерной политики Тель-Авива в зависимости от перспектив ближневосточного урегулирования.

Аронсон, например, считает бессмысленным сохранение вокруг Израиля «пояса безопасности» из арабских земель, захваченных в 1967 году. Чтобы удержать их, Израиль будет вынужден непрерывно наращивать военный потенциал. Но долгосрочной безопасности Израилю это не обеспечит, поскольку суммарные ресурсы арабских стран в целом выше израильских. Ш. Аронсон выдвигает свой вариант урегулирования на Ближнем Востоке на ядерной основе. Суть его сводится к следующему: на основании сепаратных соглашений с Египтом, а также с Сирией и Иорданией Израиль освобождает примерно 80 процентов оккупированных им территорий. Затем он публично провозглашает себя ядерной державой и официально предупреждает о том, что применит ядерное оружие в случае нарушения установленных соглашениями границ.

Ставка делается на то, что «умеренные» (то есть консервативные) силы в арабском мире удовлетворятся сделанными Израилем уступками и из страха перед ядерной конфронтацией «усмирят», как пишет автор, «экстремистские» элементы. Ш. Аронсон (а его позиция разделяется многими израильскими «ястребами») фактически предлагает дополнить политику сепаратных договоренностей политикой ядерного устрашения.

И это не чисто гипотетические рассуждения. Как-то выступая в университете имени Бар-Илана

около Тель-Авива, М. Даян стал перечислять факторы, благодаря которым Тель-Авив, с его точки зрения, «заставил» Садата прибыть в Иерусалим. Одна из причин, по его мнению, — «информация о ядерном потенциале Израиля».

За несколько месяцев до визита в Иерусалим в июле 1977 года Садат действительно заявил, что у него есть бесспорные сведения о том, что Израиль располагает ядерным оружием.

Но к чему может привести игра с атомной бомбой? Упрочится ли безопасность самого Израиля? Уменьшится ли риск возникновения новой войны на Ближнем Востоке? Конечно, нет. Подобного рода политика может лишь спровоцировать гонку ядерных вооружений в этом районе, в которую включатся арабские государства, обладающие достаточными экономическими и финансовыми возможностями. Нетрудно предвидеть, что может произойти, если открыть ядерный «ящик Пандоры».

Больное общество

Культ насилия... Как глубоко въелся он в политику Тель-Авива, порожденный самой доктриной сионизма. «Земля без людей», гласит один из ее постулатов, должна принадлежать «людям без земли» — евреям.

Что может быть абсурдней этих рассуждений? Они подвергнуты критике даже некоторыми сионистскими лидерами, такими, например, как бывший президент Всемирной сионистской организации Наум Гольдман. «Ничего в этой формуле,— писал он,— конечно, не было правильного: большинство евреев во всем мире не люди без земли, а верные граждане своих стран. И Палестина, хотя и не столь плотно населенная, конечно, не была землей без людей». Но под сионистским флагом продолжают агрессивные действия, звучат угрозы, вынашиваются новые захватнические планы. И кажется, нет конца затянувшейся конфликтной ситуации на Ближнем Востоке.

Непосредственной жертвой политики сионистских лидеров стал сам израильский народ. Угар милитаризма, дух насилия не мог не отравить израильское общество. О его пороках — о росте преступности, коррупции, стяжательства, расистских настроений с тревогой пишет даже сама израильская печать.

Полицейские — воры

Один за другим они поднимались на скамью подсудимых, закрывая лица руками, прячась от ярких вспышек блицев. Для попавшего в зал суда случайного наблюдателя такое поведение могло показаться странным: ведь слушалось обычное дело — кража часов, драгоценностей, транзисторов,

чеков, денег. Необычными были преступники. На скамье подсудимых находились те, чьей обязанностью была борьба с преступлениями,— полицейские, грабившие места, где им надлежало нести охрану.

История воров-полицейских всплыла неожиданно. Арабские жители подали жалобу на действия израильского сапера. Он вел себя как насильник, терроризируя арабов во время операции по разминированию. Солдат отрицал все обвинения. Лишь для проформы решили досмотреть его вещи и... обнаружили целый склад ювелирных изделий. Так потянулась ниточка, которая вскоре привела к аресту 18 израильских полицейских во главе с инспектором по уголовным делам.

Полицейские и саперы совершали ограбления магазинов и квартир под видом так называемых «операций по разминированию». Подходящие объекты облюбовывались заранее. В этом районе срочно объявлялось чрезвычайное положение («опять эти палестинские террористы подбросили бомбу»). Из «опасной зоны» в спешном порядке эвакуировались жители, работники банков или магазинов. А затем, «рискуя жизнью», восхищая обывателей своим хладнокровием, полицейские-воры проводили «операцию». Для большей убедительности инсценировался взрыв. Тайна хищения оказывалась погребенной под руинами.

Получив огласку, дело полицейских, как снежный ком, стало обрастать все новыми и новыми подробностями.

В израильской печати появилось сообщение о том, что какой-то высокопоставленный чин полиции заранее предупреждал заправил уголовного мира о предстоящих полицейских акциях. Одна тель-авивская газета опубликовала даже имена подозреваемых главарей израильской мафии, пользующихся услугами полицейских информаторов. Вспомнили случай, как однажды подслушивающее устройство нашли в конференц-зале полицейского управления. Ясно, что оно могло быть установлено только тем, кто хорошо знал все ходы и выходы в штаб-квартире полиции.

Поток обвинений в адрес блюстителей порядка нарастал. Выйдя в отставку, один из старейших полицейских чинов тут же заявил, что полицейские верхи проявляют безразличие к борьбе с наркотиками.

Но настоящим шоком для израильского общества явилось сообщение о том, что преступный мир вступает в союз и с офицерами армии, самым всемогущим институтом в Израиле. Выступая в кнессете, депутат Эхуд Олмерт обвинил отставного генерала Рехавама Зееви в связях с гангстерскими организациями. Олмерт заявил, что Зееви угрожал «испортить ему карьеру», если он по-прежнему будет добиваться расследования преступлений. По его словам, генерал является близким партнером строительного магната Безалела Мизрахи, которого ежедневная газета «Гаарец» назвала главарем израильского преступного мира.

О сомнительной репутации армии говорится и в докладе государственного контролера. В нем содержится обвинение в расточительстве и плохом администрировании. Очень многое, заявил государственный контролер, пропадает на армейских складах и в арсеналах и, судя по некоторым признакам, имеют место кражи на несколько миллионов фунтов.

За пугающим числом преступлений, писал американский журнал «Ньюсуик», стоит хорошо организованная местная мафия. «Преступность в Израиле слишком велика, чтобы полиция могла справиться с ней,— заявил в интервью корреспонденту журнала помощник районного адвоката Северин Шраттеа.— Преступники лучше организованы, чем мы. Подпольные группы заглатывают все более громадные куски».

Красноречивые признания делаются и в официальном докладе о росте преступности в Израиле, который было вынуждено подготовить правительство. По содержащемуся в нем выводу, «преступность непрерывно растет и все больше и больше «специализируется».

«Десятки банд действуют в стране, и бывают случаи, когда они объединяются для проведения

отдельных операций. Некоторые из них поддерживают постоянные отношения с израильянами — членами преступного мира, действующими в Соединенных Штатах Америки, Нидерландах и Федеративной Республике Германии, занятыми, в частности, торговлей наркотиками,— говорится в докладе.— Было предпринято несколько изолированных попыток установить контакты с государственными служащими и подкупить их». В самом Израиле десятки тысяч спекулянтов сильными наркотиками ежегодно продают своего товара примерно на 90 миллионов долларов.

Организованная преступность в Израиле, ворожающая суммой порядка 300—500 миллионов долларов, приобрела масштабы огромного предприятия, отмечается в докладе. Получаемые деньги вкладываются в алмазы, гостиницы и различные секторы экономики. Организованная преступность пустила прочные корни в строительстве и в оптовой торговле овощами и мясом. Она преобладает в торговле наркотиками и в проституции и пытается прибрать к рукам зрелищные предприятия.

В докладе указывается, что миллионы израильских фунтов наличными тратятся в сделках, которые не облагаются налогом. По утверждению экспертов, налоги на так называемый «черный капитал» составили бы 2 миллиарда долларов, то есть приблизительно ту сумму, которую Израиль ежегодно получает от США в виде помощи.

Израильское общество, писал корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс из Тель-Авива, превращается в страну гангстеров. В 1980 году число ограблений увеличилось в 1,5 раза, убийств — на 40 процентов. В последнее время в Израиле получил хождение анекдот о том, что преступный мир даже создал следственную комиссию, которая должна выяснить, имеется ли вообще в Израиле полиция.

Но скандал с полицией — лишь небольшая часть айсберга преступности, в которой замешаны куда более крупные силы.

Аферы Офера и К°

Труп был обнаружен в автомобиле неподалеку от Тель-Авива, на фешенебельном пляже, пустовавшем в это время года. Рядом лежал револьвер и посмертная записка, адресованная семье. В ней содержалась просьба «принять этот акт с пониманием». Опознание отняло немного времени. Полицейский заполнял протокол без труда. Имя самоубийцы — Абраам Офер. Возраст — 55. Занятия — член израильского кабинета, министр жилищного строительства в бывшем кабинете Ицхака Рабина.

В вышедшей в 1973 году в Тель-Авиве книге «Кто правит в Израиле» Абраам Офер именуется «восходящей звездой» молодого поколения партии труда. Он сделал карьеру на партийной работе. В 1974 году Офер стал одним из создателей молодежной организации партии и работал в качестве ее первого секретаря. Он активно участвовал в деятельности Хаганы (сионистских военных формирований). Позднее был первым командиром военно-морской базы Эйлат на Красном море. После увольнения из армии в начале 50-х годов Офер являлся одним из инициаторов «движения за обновление партии».

Последние годы он подвизался на ниве строительства. Был директором компании «Ашдод», занимавшейся строительством и развитием южного портового города, а затем избирается в муниципалитет Тель-Авива, где стал одним из заместителей мэра. Одновременно его назначают генеральным директором крупнейшей строительной компании «Шикун овдим». В связи с этим разразился скандал, когда стало известно, что Офер продолжает участвовать в заседаниях комиссии по градостроительству муниципалитета Тель-Авива даже при обсуждении планов и заявок своей компании «Шикун овдим».

Именно Оферу удалось собрать необходимое число голосов в пользу избрания в 1971 году Агарона Ядлина на пост генерального секретаря партии труда.

«Агарон Ядлин и Абраам Офер,— свидетельствует книга «Кто правит в Израиле»,— принадлежат к группе деятелей, сосредоточивших в своих руках значительную политическую и экономическую власть в государстве и занимающих многие ключевые позиции. К этой группе относятся также генеральный директор Рабочего банка Яков Левинсон и генеральный секретарь компании «Хеврат гаовдим» Ашер Ядлин».

В центре разыгравшихся событий и оказались все те лица, с которыми «блокировался» Офер, а связь с Ашером Ядлином явилась для него роковой.

В августе 1976 года Офер и бывший тогда министром финансов Е. Рабинович рекомендовали Ашера Ядлина на пост управляющего государственным банком Израиля. Вскоре после его назначения полиция информировала премьер-министра И. Рабина, что новоиспеченный хранитель государственной казны нечист на руку и на него заведено «дело». Ашер Ядлин был арестован. Ему предъявили обвинение по девяти пунктам, включая мошенничество, уклонение от уплаты налогов и получение взяток, когда он занимал пост генерального директора крупнейшей государственной организации здравоохранения «Купат холим». В частности, Ядлин получил взятку в 30 тысяч долларов за предоставление крупного подряда строительной компании «Солел боне», взятку в размере 100 тысяч израильских фунтов от адвоката «Купат холим» и взятку в 54 тысячи фунтов от агента по торговле недвижимостью. Только одни обвинения во взяточничестве предусматривали для Ядлина 10-летний срок тюремного заключения. Кроме того, он обвинялся в уклонении от уплаты налога на недвижимость в сумме 10 тысяч фунтов и за мошенничество при покупке и продаже медицинской аппаратуры для организации «Купат холим».

Арест высокопоставленного мошенника потряс израильские финансовые и политические круги, где Ядлин пользовался большим влиянием.

Вскоре в одной лодке с Ядлином оказался и

А. Офер. Выяснилось, что и он прикарманил большую сумму денег в тот период, когда возглавлял крупнейшую строительную компанию «Шикун овидим», принадлежащую Гистадрут — объединению израильских профсоюзов. При таких обстоятельствах и прозвучал пистолетный выстрел, оборвавший карьеру «восходящей звезды».

В отличие от Офера Ядлин не стал накладывать на себя руки. «Те, кто пытался уничтожить меня, убили Офера, — заявил он. — Теперь я не буду молчать». Серьезность этого предупреждения, видимо, недооценили. С ним пытались договориться. Между государственным прокурором и адвокатами Ядлина было достигнуто соглашение о том, что если он признает часть обвинений, то другая часть будет опущена, а третья пересмотрена позднее. Но, загнанный в угол, ожесточившийся и почувствовавший себя преданным, Ядлин был уже готов на все.

Его показания на суде прозвучали, как взрыв бомбы, подложенной под сами основы государственной и партийной иерархии в Израиле, под «столпов отечества». Признав справедливость обвинений в серии взяток и мошенничестве, он заявил, что действовал под «постоянным давлением со стороны покойного министра финансов Пинхаса Сапира и сменившего его Егосуа Рабиновича, который был тогда казначеем партии». По его словам, деньги поступали в избирательный фонд правящей партии труда. Присвоенные средства он отдавал своему двоюродному брату Агарону Ядлину, который был в то время генеральным секретарем партии. «Мне удалось найти миллионы, финансирующие деятельность партии труда во время парламентских выборов 1973 года», — сказал Ядлин.

По израильскому законодательству политические партии финансируются государством, какие-либо побочные поступления запрещены. Впервые израильский деятель, отмечал английский журнал «Экономист», заявил публично, что его партия и ее лидер нарушают закон. Хотя протесты со стороны всех лиц, которых упоминал Ядлин, были

бурными и скоропалительными, продолжал «Экономист», для израильской общественности его обвинения, к тому же частично подтвержденные документами, показались убедительными.

Многие факты, на которые раньше не обращалось особого внимания, стали выглядеть иначе в свете показаний Ядлина. В 1961 году Егошуа Рабинович возглавил комиссию муниципалитета по строительству, позднее становится мэром. «С тех пор,— говорится в книге «Кто правит в Израиле»,— строительство стало одной из главных сфер его деятельности, к тому же весьма важной для партии. Он выдвигал различные проекты застройки Тель-Авива и всячески стимулировал строительство. Но до сегодняшнего дня генеральный план строительства не разработан. Его главная сила кроется в способности «устраивать дела» и «помогать людям» путем использования контролируемых им самого крупного в стране муниципального аппарата и его бюджета».

Что касается Агарона Ядлина, то еще в 1965 году его родственные связи стали предметом обсуждения, когда его брат втихомолку, без объявления, был назначен управляющим делами министерства просвещения, где он сам был заместителем министра. Агарон Ядлин, видимо, сумел реабилитировать себя ярым сионизмом. Особое значение в своей работе на ниве просвещения он придавал воспитанию «еврейского сознания». «Цель просвещения,— заявлял Ядлин,— в том, чтобы каждый юноша на вопрос, кто он, отвечал прежде всего, что он еврей».

Вполне естественно, что скандальные разоблачения попытались приглушить. Ашеру Ядлину был вынесен сравнительно мягкий приговор: он получил 5 лет. Но некоторые обстоятельства смерти Офера до сих пор остаются загадкой. Обращают внимание на то, что последней перед смертью была его встреча с Ицхаком Рабином. Вот что пишет, например, американский журнал «Тайм»: «Если Офер был действительно невиновен, спрашивали некоторые на похоронах, почему Рабин не сделал все, чтобы защитить своего друга от инси-

нуаций?» Может быть, кто-то был заинтересован в исчезновении Офера? Или Рабин уже знал, что и сам он висит на волоске?

Три месяца спустя окружной суд в Тель-Авиве рассматривал дело госпожи Леа Рабин, жены премьер-министра Ицхака Рабина, о незаконном содержании банковских счетов в иностранной валюте. Подсудимая признала себя виновной и была приговорена к штрафу или к одному году тюремного заключения. Окружной судья Дов Левин заявил, что, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, а именно удар, каковым явилась для госпожи Рабин отставка ее мужа, суд ограничил наказание штрафом в 250 тысяч израильских фунтов.

Так закончился израильский «уотергейт», приведший к отставке премьера и смене лидера в партии труда, а затем и к фиаско самой партии на парламентских выборах 1977 года после 29 лет ее пребывания у власти. Впрочем, еще рано ставить точку. Пружины самых крупных афер — афер в финансовой и экономической областях — продолжают раскручиваться.

Крах одной корпорации

В конце 60-х годов с большой помпой появилась на свет так называемая «Израильская корпорация» (ИК). Цель ее создания — привлечение в экономику Израиля капиталовложений сионистов-миллионеров, предпочитающих жить вдали от «земли обетованной». С некоторых пор создателям ИК не до фанфар. Ее бывший генеральный директор Микаэль Цур отбывает 15-летнее тюремное заключение за расхищение фондов компании. В этом же обвиняется член правления ИК, основатель и директор прогоревшего международного кредитного банка в Женеве Тибор Розенбаум. Обвинение против него было выдвинуто через швейцарскую полицию председателем совета директоров ИК бароном Эдмондом Ротшильдом.

Многие обстоятельства аферы Цура и Розенбаума тщательно скрываются, но и те факты, ко-

торые просочились в печать, позволяют судить о ее масштабах.

При создании «Израильской корпорации» кнессет Израиля принял закон о том, что она получит льготы при условии, если соберет первоначальный капитал в 30 миллионов долларов. Трехлетний срок, отведенный на сбор средств, уже истекал, а американские вкладчики-сионисты и не думали раскошелиться. Цуру удалось уговорить группу западногерманских бизнесменов. Сделка состоялась, и финансовый фонд ИК был, наконец, учрежден.

Но возникли новые осложнения, так как западногерманские банки отказались кредитовать операции без гарантии правительства ФРГ. В этой ситуации Цур и Розенбаум изобрели сложную систему обеспечения западногерманской группы средствами из источников, которые не установлены до сих пор. Создавалась и сложная цепочка финансовых операций. Западные немцы должны были переводить капиталы в ИК через различные промежуточные компании и финансовые институты, сосредоточенные главным образом в герцогстве Люксембург. Одно из звеньев в этой цепочке было фиктивным. Это была дутая компания, принадлежащая лично Цуру. Она занималась только тем, что получала комиссионные с крупных денежных переводов.

Все вскрылось, когда неожиданно прогорел возглавляемый Розенбаумом международный кредитный банк в Женеве. Обнаружилось, что 5,5 миллиона долларов, которые, как полагали, лежат в банке, находятся в одной из компаний, принадлежащих Розенбауму и его помощникам. Многие валютные операции кредитного банка оказались сплошной фикцией.

При всей ярости главы ИК барона Ротшильда, уязвленного тем, что один из мошенников — Цур был его советником по финансам с зарплатой 25 тысяч долларов в год, разразившийся скандал быстро пошел на убыль. Чья-то невидимая рука обрывала нити, которые помогали распутать дело. Сам Ротшильд заявил, что определенные лица, ко-

торых он отказался назвать по имени, рекомендовали ему снять обвинение против Розенбаума. По его словам, некий нью-йоркский адвокат предложил возместить несколько миллионов долларов «Израильской корпорации», если жалоба против Розенбаума будет прекращена.

«Суть тайны, окружающей сделки корпорации, разнообразные дела Розенбаума и роль, которую играли некоторые экономические лидеры Израиля, остается неразгаданной», — свидетельствовал английский журнал «Экономист». Швейцарские власти оттягивали суд над Розенбаумом под сильным политическим давлением Израиля и сионистских кругов в Западной Европе.

Но и сделанные разоблачения вызвали болезненную реакцию в израильском обществе. Ведь М. Цур также фигурировал в списке тех, «кто правит в Израиле». Вот что говорится о нем в уже цитировавшейся книге: «Михаэль Цур горд тем, что ему длительное время пришлось работать в министерстве торговли и промышленности вместе с Пинхасом Сапиром. Возможно, Цур надеется, что после долгого сотрудничества с Сапиром он может рассчитывать на более высокое положение, чем то, которое занимает сейчас? Нет сомнения, что у Цура есть какие-то основания рассчитывать на это. Во всяком случае о нем не раз говорили как о человеке, способном быть министром торговли и промышленности».

Итак, еще один потенциальный министр оказался преступником.

Самая крупная кража

Однако рекорд хищений в Израиле принадлежит не Цуру и Розенбауму. Его «поставил» бывший банкир Йегушуа Бенцион, присвоивший в возглавляемом банке кругленькую сумму в 47 миллионов долларов. В 1975 году он был приговорен к 12 годам тюремного заключения, но... уже давно находится на свободе. Как видно, у израильской Фемиды особые привязанности и склонности.

Инициатором освобождения Бенциона явился

не кто иной, как нынешний премьер-министр Израиля М. Бегин, не постеснявшийся обнажить тайные связи между правым блоком «ликуд» и воротилами крупного бизнеса. А уж чем пахнет этот бизнес — обстоятельство, ничуть не смущающее ни «ликудовцев», ни их предшественников у кормила власти — лидеров партии труда.

И хотя Бегин заявил, что действует чисто из гуманных соображений, подоплека проявленного «гуманизма» шита белыми нитками. Западная печать напомнила о прочных идейных связях между Бегинем и Бенционом. Последний был активистом движения за «великий Израиль» и религиозной националистической группировки «Гуш эмумим», оказывающих серьезную поддержку нынешнему режиму. Появились сообщения о том, что краденые деньги Бенциона попадали и в сейфы бегиновской партии «Херут». Естественно, что, став премьером, Бегин не мог забыть прежние заслуги своего проворовавшегося сторонника.

Освобождение Бенциона было скандальным даже по эталонам уже привыкшего к подобным явлениям израильского общества и вызвало резкие протесты. Версия о якобы критическом состоянии здоровья заключенного никого не убедила.

Судья Цви Беренсон, который вынес Бенциону приговор, сказал, что суд знал обо всех болезнях подсудимого, когда разбирал его дело: «Иначе мы бы вынесли ему более суровый приговор, учитывая тяжесть совершенного преступления».

«Если у вас недомогание и хорошие связи с верхами,— с сарказмом говорят израильтяне,— вы можете безнаказанно присоединиться к быстро растущему преступному миру». «Общая озабоченность,— пишет английский журнал «Экономист»,— возрастает в связи с тем, что активные действия Бегина в защиту Бенциона не были каким-то исключением». Покровительство преступникам и тесные связи с ними становятся системой.

Так, швейцарское правительство требовало от Израиля выдачи Рувена Пешеховица. Он обвиняется в незаконном присвоении примерно 4,2 миллиона долларов и в использовании фальшивых до-

кументов, с помощью которых обманым путем получил в швейцарском банке крупный заем. И именно Бегин принял решение не выдавать мошенника.

Французское правительство потребовало выдачи некоего Флатто-Шарона по обвинению в жульничестве и мошенничестве. Ему предъявлен иск в 200 миллионов франков. Его махинации с созданием сети строительных и иных компаний привели к краху мощного парижского треста «Патернель», разорившегося из-за неудач одного из своих филиалов.

Мошенник, на арест которого выдан международный ордер, нашел прибежище и покровительство в Израиле. Флатто-Шарон продолжал процветать и строить новые авантюрные планы.

Верхом «деятельности» Флатто-Шарона явилось получение депутатского кресла в израильском кнессете. Приобретение депутатской неприкосновенности гарантировало защиту от «Интерпола», по-прежнему настойчиво добивавшегося выдачи преступника Франции. Что касается Бегина, с самого начала взявшего под защиту Флатто-Шарона, то он нашел еще одного надежного сторонника. Депутат-авантюрист неизменно голосовал за ликудовский блок, следуя принципу «рука руку моет». Только после двух лет «депутатской деятельности» Флатто-Шарон был изгнан из кнессета.

Лестница Израиля

Скандалные разоблачения коррупции правящих кругов, многомиллионные финансовые махинации и хищения, возможность для преследуемого законом афериста сделать сногшибательную политическую карьеру — все это не исключение из правил, а типичные явления в израильском обществе. «В Израиле господствует режим, возглавляемый небольшой группой людей. Отношения между ними можно охарактеризовать как хорошо отлаженную систему круговой поруки, — свидетельствуют авторы книги «Кто правит в Израиле». —

Протекция, распространенная в кругу людей, в чьих руках находятся рычаги власти в Израиле, является, следовательно, своеобразной формой деятельности группы, каждый из членов которой играет свою роль в общей «игре», пользуясь при этом поддержкой других членов и помогая им сам». Система круговой поруки лежала и лежит в основе союзов Рабина — группы Офера, Бегина — Флатто-Шарона, в основе самой структуры израильского общества.

Действие этой системы на высшей ступени, пишет английский журнал «Мидл Ист», означает, что страной фактически «правят» около 150 человек. Это те люди, чье одобрение должны получить другие для того, чтобы что-то сделать. Это не только члены правящей партии или ее партнеры по коалиции. Деятели оппозиции также представлены в этой группе, они тоже получают свой кусок пирога, хотя, разумеется, меньший. Ступеньки социальной иерархии в Израиле, пропасть между трудящимися массами и элитой подробно описал в своей книге «Лестница Израиля» бывший заместитель министра торговли, промышленности и иммиграции и бывший генеральный секретарь партии труда Ари-Элиав, стоявший у «колыбели» израильского государства. «У нас — один миллион человек, не являющихся гражданами Израиля, бесправных палестинских арабов на оккупированных территориях; полмиллиона граждан — израильских арабов, живущих в состоянии патологической тревоги; один миллион израильских еврейских граждан, главным образом восточного происхождения, которые чувствуют себя выжатыми — да, выжатыми, — есть такое слово на языке иврит, — пишет он. — И над ними, ступеньками выше, находятся всевозможные буржуа, а наверху — новый класс «знати».

Эта «знать» «близорука, у нее не осталось ни одной крупницы идеализма, и она просто хочет удержаться у власти», делает вывод Элиав.

Он называет оккупацию Израилем арабских территорий трагедией и для арабов, и для самого Израиля: «Мы заточили их в преддверии ада.

Нельзя держать народ под властью оккупации бесконечно».

Автор резко критикует «бездуховных нуворисей, которые ввозили бульдозеры в Синайскую пустыню, чтобы строить укрепления, вернулись оттуда миллионерами и приобрели виллы в фешенебельном предместье Тель-Авива».

Читая эти горькие признания, я вспомнил Синай в один из дней октябрьской войны 1973 года, судьбу тех, кто своими жизнями оплачивал барыши небольшой кучки дельцов от бизнеса и политики. Шла сдача израильского гарнизона.

Я помню усталое землистое лицо израильского военного врача Нахума Вальбана, выступавшего в роли переводчика. Он сообщил, что пять человек уже убито, а остальные 37 израильских солдат и офицеров, включая 15 раненых, готовы сдать в плен.

Эти двадцатилетние парни, обросшие бородами, кудлатые, как хиппи, не захотели умирать. Уходя в плен, никто из них не взял горстку земли. Для них это была чужая земля, чужая война. Для многих из них далек и сам Израиль. «Я из Австралии,— сказал один из пленных фотографировавшему его американскому репортеру.— Там моя мама, пошлите ей карточку».

Политика агрессии лишь усугубила раскол в израильском обществе, существовавший с самого начала. С момента создания государства Израиль в 1948 году оно оказалось разделенным на два лагеря — ашкенази, евреев-выходцев из европейских стран, и сефардов, еврейских иммигрантов, прибывших из восточных стран.

Каким бы ни было происхождение или профессиональное мастерство, израильские администраторы-ашкенази обращались с прибывшими восточными евреями одинаково: мужчин отправляли работать чернорабочими, а женщины становились прислугой в домах ашкенази. Но самым ужасным были приготовленные для них жилища. Для более чем 700 тысяч еврейских иммигрантов были построены палаточные городки-лагеря. Сначала в этих лагерях размещали и ашкенази, и сефардов.

но европейцы долго там не задерживались. Благодаря общему языку и родственным связям с администраторами-ашкенази они имели возможность быстро устроиться получше. Скоро во временных лагерях стали жить исключительно восточные евреи. Эти лагеря просуществовали более 20 лет. Традиционная общинная жизнь распалась в этой нищете.

Протестуя против дискриминационного отношения к сефардам, видный член «ликуда» Бенцион Рабин гневно заявлял: «Мы вышли не из джунглей, и не было нужды нас цивилизовать. У нас были культурные ценности, которые никто из общины ашкенази, поглощающей нас, не может понять... В тех странах, откуда мы происходили, мы никогда не видели тюрьмы изнутри, а здесь свыше 90 процентов заключенных составляют восточные евреи».

«Сейчас термин «восточные евреи» стал синонимом «рабочего класса», и пропасть между этими двумя общинами продолжает расширяться», — пишет английский журнал «Мидл Ист интернэшнл». В последние годы плата за обучение в средней школе и университете была не по карману большинству восточных евреев. Хотя они составляют более половины всего еврейского населения, лишь 12 процентов студентов израильских университетов — их представители.

В политической жизни восточным евреям также давно отведена низшая роль.

Под влиянием политики милитаризма и экспансионизма развитие Израиля принимает уродливые формы.

Особые экономические выгоды приносит эксплуатация оккупированных арабских территорий. Речь идет не только о создании новых военизированных поселений, использовании дешевой рабочей силы и дополнительных земельных площадей. Грабятся природные ресурсы арабских государств.

Экономическая депрессия после «шестидневной войны» сменилась бумом, расширением военно-промышленного комплекса и большим притоком

капиталовложений, главным образом из Соединенных Штатов. Значительная часть этих денег была вложена в недвижимое имущество: строительство отелей и роскошных многоквартирных домов, пишет журнал «Мидл Ист». Основные получатели поступающих средств — управленческая элита, генералы, а также господа «цуры, розенбаумы, бенционы». Они непосредственно заинтересованы в поддержании военной конъюнктуры на Ближнем Востоке, приносящей колоссальные выгоды.

Для этого используются все средства — от развязывания агрессивных действий против арабов и осуществления геноцида до отказа сесть за один стол переговоров с представителями Организации освобождения Палестины. При этом палестинцев, борющихся за попранную справедливость, обвиняют в «терроризме» те, кто сделал террор основным орудием государственной политики Израиля.

«О Менахеме Бегине можно сказать, что он все чаще возвращается к своей прежней линии поведения, когда он был руководителем подпольной армии «Иргун цвей леуми», ответственной за взрыв отеля «Царь Давид», убийство двух английских сержантов в Натании и резню в Деир-Ясине, когда было зверски убито 250 с лишним женщин, детей, стариков», — пишет американский публицист Альфред Лилиенталь. Террорист Бегин так и остался террористом, добравшись до руля государственной власти. На его совести трагедия Ливана, убийство тысяч ливанцев и палестинцев, бойня в Сабре и Шатиле. Не случайно, правительство Бегина было окрещено мировой печатью «кабинетом убийц», а его деяния квалифицированы как международные преступления.

Отнюдь не идеальное прошлое и у лидера партии труда Ш. Переса, замешанного в так называемом «деле Лавона».

В июле 1954 года Египет был потрясен целой серией диверсионных акций. Взрывы в Каире и Александрии следовали один за другим. В этих действиях прослеживался один почерк: удары наносились по собственности англичан и американцев. Подозрение пало на «братьев-мусульман». Но

через некоторое время египтяне объявили о раскрытии израильской шпионской и террористической сети, которая и осуществляла подрывные акции.

В Израиле поспешили обвинить Каир в раздувании антисемитской кампании. Но факты подтвердились. Сеть израильских агентов возглавлял полковник Авраам Дар, именовавшийся Джоном Дарлингом. В ней участвовало ядро профессионалов, обосновавшихся в Египте под различным прикрытием. Они завербовали и несколько египетских евреев, в том числе молодую женщину Марсель Нинио, работавшую в одной английской компании.

В Тель-Авиве разгорелся скандал. Политические издержки провала в Египте были списаны на министра обороны Лавона. Начальник разведки Беньямин Гивли заявил, что операция санкционирована Лавоном, хотя она осуществлялась за его спиной. Были даже сфабрикованы соответствующие документы за подписью министра. Гивли, Даян и Перес, истинные организаторы диверсий, выступили свидетелями, подтверждающими подлинность документов. Лавон был изгнан в отставку.

Только в 1960 году вскрылась вся правда. Перес вместе со своими компаньонами был уличен и в организации террористических акций, и в лжесвидетельстве. «Даян и Перес — в отставку! Нам не нужны лидеры с эластичной совестью!» — скандировали студенты, вышедшие на демонстрацию. Но Перес оказался непотопляемым поплавком, хотя «дело Лавона» давало знать о себе еще долгие годы.

В 1968 году Нинио и ее коллеги были освобождены в обмен на египетских заключенных. Их встречали в Тель-Авиве как героев. Они же чувствовали себя обманутыми и преданными.

Выступая по телевидению, Нинио заявила, что правительство прилагало мало усилий, чтобы освободить их, оно «не хотело испытывать неловкости, признав, что руководило нашими действиями».

Жертвой «дела Лавона» стали египетские еврейские массы. В 1954 году в Египте жило 50 тысяч евреев, лишь немногим меньше, чем в 1947 го-

ду, когда было принято решение о создании Израиля, и они не собирались уезжать в «землю обетованную». Сионистские лидеры шли на то, чтобы разжигать межнациональную и межрелигиозную вражду в Египте для изгнания оттуда евреев.

Военные рвутся к власти

В обстановке постоянных политических интриг, милитаристского психоза все выше поднимают голову израильские военные. С некоторых пор так называемая «единственная демократия на Ближнем Востоке» приближается к диктаторским режимам стран Латинской Америки, с которыми она имеет столь тесные военные связи, пишет журнал «Мидл Ист интернэшнл».

Совсем недавно израильские генералы беспрекословно подчинялись политической власти, находясь на службе, и с благодарностью принимали министерские портфели после ухода в отставку. Сегодня военная верхушка часто ведет себя так, как будто она управляет страной.

Когда в кнессете спросили Эйтана, занимавшего пост начальника генштаба, о возможности сокращения военных расходов, он проревел в ответ: «Как вы смеете посягать на военный бюджет? Что вы вообще знаете?» А когда бывший генерал-майор Герцль Шапир был смещен с поста начальника полиции министром внутренних дел, один из генералов, близких к Шапиру, предложил ему в ответ послать в Тель-Авив танки. Генерал в отставке Бенни Пелед стал распространять политический документ, требующий вообще роспуска кнессета и партий и замены их политической структурой, основанной на библейских законах. Бонапартистские замашки и у бывшего министра обороны генерала Шарона. Во время дебатов в кнессете он нагло продемонстрировал полное пренебрежение мнением законодателей: «Орите, сколько влезет, — заявил он ухмыляясь. — Пока вы кричите, мы прокладываем новый километр дороги и закладываем новый нефтепровод в Самарии». Шарон, не дожидаясь санкции кабинета министров,

создавал военные поселения на оккупированных территориях и выступал с политическими заявлениями. Этого деятеля чаще видят среди активистов экстремистской организации «Гуш эмумим» и ветеранов «части 101» — ударного отряда, которым он командовал, нежели в обществе политиков. Многие называют его «дуче».

После скандальных разоблачений резни в Сабре и Шатиле Шарону пришлось убраться с поста министра обороны, но он заявил, что не уйдет из правительства...

Режим «сильной власти» — мечта и некоторых израильских политиков. Новые политические течения, находящиеся правее «ликуда», отражают эти настроения. В 1979 году возникла партия «техия». Ее основатели — Моше Шамир, представитель «движения за великий Израиль», физик-профессор Ювал Нееман, бывший полковник военной разведки, лидер движения «Гуш эмумим» Ханаи Порат и, наконец, Геула Коген, которая после Кэмп-Дэвида вышла из партии «херут», хлопнув дверью и назвав Бегина «транжиром» Израиля.

Новая правая партия хотела бы сразу же после прихода к власти официально аннексировать все оккупированные территории. Руководители «техии» отвергают куцую «палестинскую автономию», считая ее непомерной уступкой.

Для достижения своей главной цели — еврейской гегемонии — «техия» хотела бы сделать так, чтобы евреи составили большинство на всей территории «великого Израиля», даже если для этого придется расселить еврейских колонистов на территориях, принадлежащих арабам.

Альянс «техии» с Бегоном произошел во время израильской агрессии в Ливане. Она показала, что «ликудовцы» не уступают в экстремизме самым фанатичным сионистам.

Однако даже «техию» умудрился обойти справа Меир Кахане и его движение КАХ. Кахане ведет кампанию за изгнание из «великого Израиля» всех арабов, как живущих на оккупированных территориях, так и граждан Израиля. Молодчики из этой

экстремистской группировки готовы на все. Именно они бросили гранату в ряды антивоенной демонстрации в Израиле, требовавшей отставки Шарона и Бегина. В результате был убит один и ранено десять человек.

Лидеров новых израильских правых не смущает антидемократический расистский характер их программ, наоборот, им кажутся колодками прежние программные заявления сионистов. Кахане заявил в интервью еженедельнику «Гаолам Газе»: «Вы только посмотрите на израильскую декларацию независимости — этот шизофренический документ. С одной стороны, в ней говорится о еврейском государстве, а с другой — о равных правах и демократии. Старик, который это написал, был или дураком, или нечестным. Не думаю, что он был дураком. Это просто лицемерие. Если есть равноправие, то арабам нужно разрешить иметь большинство. Но кто им позволит изменить название государства или отменить закон о возвращении? Кое-кто не готов к такому противоречию. Я не дам им спокойно жить. Я выбрал сионизм. Нет никакого сомнения в том, что сионизм антидемократичен».

Что принесло израильскому народу хозяйничанье сионистских лидеров? Вечную тревогу, неуверенность в завтрашнем дне, глубокое разочарование. Агрессивная, экспансионистская политика сионизма обернулась трагедией для арабов. Но она стала трагедией и для израильского народа. Нет, это не только материальные лишения и трудности с типично израильскими «рекордами». Израилю например, принадлежит мировой рекорд по уровню инфляции, достигавшей в последние годы почти 150 процентов. Он ставит и рекорд внешней задолженности на душу населения. Это примерно 6 тысяч долларов на каждого жителя страны, включая детей. Самое трагичное, что израильскому народу уготована роль пушечного мяса, полная опасностей жизнь в гарнизонном государстве. Его делают палачом других народов во имя защиты интересов американского империализма, химерических планов сионистской верхушки. Кровавая

драма в Ливане явилась шоком и для многих израильтян, начавших осознавать, в какую трясиину завел их курс агрессии и авантюры. Вот почему бегство из «земли обетованной» — типичное явление последних лет.

Эмиграция из Израиля побивает все рекорды. В последние годы волна отлива превысила приток вновь прибывающих. Проведенный опрос показал, что примерно каждый десятый стремится уехать из страны. В 1976 году это был каждый двадцатый. Уезжают целыми семьями специалисты, члены киббуцев, офицеры запаса, цвет израильской молодежи. Только в США число дипломированных израильских специалистов достигает 25 тысяч человек. Это — преподаватели, врачи, архитекторы, предприниматели. Характерно, что треть эмигрантов составляют коренные жители, уроженцы Израиля (сабра). По словам Шмуэля Лахиса, генерального директора Еврейского агентства, эмиграция показывает, что «израильское общество — больное».

Переводя эти потери на свойственный ему язык «пушечного мяса», М. Бегин заявил, что со времени образования государства Израиль из-за такого «кровотечения» было потеряно 4 дивизии, или 12 бригад. Сейчас, по отдельным подсчетам, число эмигрантов из Израиля, рассеянных по всему свету, составляет от 400 до 700 тысяч человек.

Отъезд из Израиля — наглядная демонстрация банкротства политики правящих кругов. Вот почему так брызжут злобой сионистские заправилы. Бывший премьер-министр Ицхак Рабин назвал эмигрантов «сбродом, подонками, паразитами». Газета «Едиот ахронот» заявляет, что это — «душевно больные», которые «своими капризами искажают позитивную реальность» страны.

Итак, часть израильтян «голосует ногами» против обанкротившегося курса тель-авивских правителей и покидает страну. Но и в самом Израиле растет борьба против авантюристической, опасной политики правительства. Эту борьбу возглавляют коммунисты, отстаивающие в труднейших условиях идеи прочного и справедливого мира, открыва-

ющего перспективы независимого, свободного и прогрессивного развития арабских и израильского народов.

* * *

...Выстрелы на параде. Они раздались в тот момент, когда на подмостках Каира и Тель-Авива уже близился к финалу фарс ближневосточного «урегулирования», поставленный по кэмп-дэвидскому сценарию.

Падая со сцены, Садат потянул за собой занавес. Предстало то, что творится за кулисами. Рухнули декорации, которыми пытались заслонить грозовой фон ближневосточного конфликта.

Не прикрываясь больше кэмп-дэвидской маской «миролюбия», израильская военщина совершила наглое нападение на Ливан.

Сбросив кэмп-дэвидский фрак, Вашингтон предстал совсем в другой форме — в форме американского морского пехотинца, штурмующего ближневосточный плацдарм. Под флагом «многонациональных сил» Пентагон высадил свои войска на Синае, а затем в Ливане.

Открылась зловещая паутина интриг, заговоров, террора, манипуляций, к которым прибегают Вашингтон и Тель-Авив, добиваясь подчинения этого региона своему диктату.

Как скоро удастся разорвать ее? Как скоро удастся вывести ближневосточное урегулирование из темных закоулков сепаратных сделок на путь прямых, честных переговоров с участием всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины — единственного законного представителя палестинского народа? Это — не праздный вопрос. Именно за такое справедливое всеобъемлющее урегулирование выступает Советский Союз. От этого зависят судьба мира и спокойствие на Ближнем Востоке.

А пока трагедия продолжается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

- 3 Выстрелы на параде
- 11 Разматывая клубок событий
- 16 Тень «братъез-мусульман»
- 28 Досье на раиса
- 41 Кэмп-дэвидская сделка
- 46 На поводке

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

- 58 Ливанская трагедия
- 66 Вооружившись Библией
- 71 Еще одна жертва
- 72 Тайны пустыни Негев
- 77 Операция «Плумбат»
- 82 Серия краж
- 84 Ядерны́ «ящик Пандоры»

БОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

- 88 Полицейские — воры
- 92 Аферы Офера и К°
- 96 Крах одной корпорации
- 98 Самая крупная кража
- 100 Лестница Израиля
- 106 Военные рвутся к власти

Юрий Васильевич Глухов

ВЫСТРЕЛЫ НА ПАРАДЕ

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художественный редактор В. М. Носенко
Технический редактор В. Д. Коннова
Корректор Т. Б. Лысенко

ИБ № 3130

Сдано в набор 17.02.83. Подп. в печать 19.05.83.
А01294. Формат 84×100/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
5,46. Усл. кр.-отт. 5,75. Уч.-изд. л. 5,39. Тираж
100 000 экз. Заказ № 28. Цена 37 к. Изд. инд. ХД-465.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Рос-
сия» Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Госу-
дарственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Мо-
сковской области, ул. им. Тавосяна, 25.

СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ

Юрий Васильевич Глухов — журналист-международник. Родился в Москве в 1935 году. Окончил Московский государственный институт международных отношений.

Трудовую деятельность начал на дипломатической работе. С 1965 года — сотрудник газеты «Правда». В 1969—1975 годах Юрий Глухов — собственный корреспондент «Правды» на Ближнем Востоке. С 1981 года — заместитель редактора по отделу развивающихся стран.